

Буддийский рассказ

Опубликовано:

Христианское чтение. 1878. № 7-8. С. 78-143.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Буддійскій разсказъ

(съ предисловіемъ и примѣчаніями).

I.

Предисловіе редакціи.

Предлагая помѣщаемый ниже „буддійскій разсказъ“ въ русскомъ переводѣ, считаемъ долгомъ, прежде чѣмъ знакомить читателей съ содержаніемъ разсказа, предпослать ему нѣсколько объяснительныхъ словъ. Мы помѣщаемъ этотъ разсказъ, какъ матеріалъ не лишенный значенія для сравнительнаго изученія религій вообще и ближайшимъ образомъ для оцѣнки истиннаго значенія буддизма въ его отношеніи къ христіанству. Появленіе этого разсказа на страницахъ нашего изданія, не представлявшаго доселѣ ничего подобнаго, не должно своею новизною и необычностью удивлять читателей въ виду той важности, которую въ послѣднее время получило сравнительное изученіе религій и въ частности религій не христіанскихъ въ богословской области. Этому предмету, по той важности, которая ему придается въ настоящее время въ кругу научныхъ изслѣдованій, суждено повидимому съ теченіемъ времени составить содержаніе особой богословской науки. При настоящемъ развѣтвленіи наукъ онъ входитъ въ самыя разнообразныя ея отрасли. Составляя ближайшую и непосредственную задачу сравнительной миѳологии, а также одну изъ существенныхъ задачъ исторіи, археологии, этнографіи, философіи и филологіи, сравнительное изслѣдованіе религій наиболѣе важною и наиболѣе жизненною своею стороною тѣмъ не менѣе относится къ богословію. Оно является здѣсь

въ качествѣ средства для высокой цѣли — правильной оцѣнки истиннаго значенія христіанства, какъ божественной, откровенной религіи. Если справедливо замѣчаніе Тэйлора, что „человѣкъ знающій только одну свою религію на самомъ дѣлѣ понимаетъ религію не больше того, сколько человѣкъ знающій одинъ только свой языкъ понимаетъ вообще языкъ“¹⁾, то не менѣе справедливо будетъ сказать вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ, что человѣкъ знающій только христіанскую религію и не имѣющій яснаго представленія о прочихъ религіяхъ никогда не можетъ надлежащимъ образомъ оцѣнить высокое преимущество христіанства предъ другими религіями и его несравненнаго величія²⁾.

Вотъ почему возможно полное и всестороннее изслѣдованіе религіозныхъ вѣрованій разныхъ народовъ мы считаемъ столь важнымъ дѣломъ для спеціально богословской науки. Уже въ настоящее время изслѣдованіе этого предмета заняло выдающееся положеніе въ системахъ „Основнаго богословія“ и „Апологетики христіанства“ въ ряду другихъ предметовъ подлежащихъ разработкѣ этихъ наукъ. Труды по сравнительному изученію религій при современно научной разработкѣ этой области можно подраздѣлить вообще на два главные класса. Есть въ этой области труды, посвященные преимущественно собиранію матеріала, нужнаго для научной разработки предмета; есть другія изслѣдованія, которыя, пользуясь уже собраннымъ готовымъ матеріаломъ, ставятъ себѣ главною задачею анализъ этого матеріала, выводъ изъ него общаго взгляда на исторически извѣстныя религіи, на ихъ развитіе, ихъ взаимное отношеніе другъ къ другу и въ особенности ихъ отношеніе къ христіанству. Здѣсь мы замѣчаемъ обычное раздѣленіе труда между представителями различныхъ областей знанія. Тогда какъ одни изслѣдователи занимаются главнымъ образомъ подготовкою почвы для сравнительнаго изслѣдованія религій — разработкою матеріала,

¹⁾ «Первобытная культура».

²⁾ «Einleitung in die vergleichende Religions-Wissenschaft» 1874.

особенно замѣчательнаго въ культурно-историческомъ, археологическомъ и въ другихъ отношеніяхъ, другіе заботятся главнымъ образомъ о методическомъ построеніи связанной и стройной системы развитія религіозныхъ вѣрованій. Въ перваго рода изслѣдованіяхъ преобладаетъ фактическое, въ послѣднихъ философское направленіе. Каждое изъ этихъ направленій основывается на совершенно законныхъ требованіяхъ научнаго знанія. Если иногда высказывалась борьба между этими направленіями, то это происходило вслѣдствіе того, что какое-нибудь одно изъ нихъ получало односторонній характеръ, пренебрегая изслѣдованіями и результатами другаго направленія. Но едва ли нужно доказывать, что устраненіе какого-нибудь изъ этихъ направленій въ области сравнительнаго изученія религій отразилось бы существеннымъ вредомъ для научнаго прогресса этой области. Еслибы прекратилось фактическое изслѣдованіе памятниковъ древнихъ религій, то философскіе очерки по исторіи религій были бы слишкомъ отвлеченны, не имѣли бы для себя достаточно твердой и прочной фактической почвы. Если же съ другой стороны прекратились бы попытки на философское осмысленіе религіозной жизни человѣчества, то накопленіе массы свѣдѣній о религіяхъ превратилось бы въ груды сыраго, ничего не говорящаго матеріала. Вслѣдствіе этого серьезнѣйшіе представители обоихъ означенныхъ направленій въ сферѣ сравнительнаго изученія религій стремятся въ новѣйшее время къ возможному объединенію ихъ въ интересахъ науки, въ томъ убѣжденіи, что каждое изъ нихъ существенно полезно и необходимо и не можетъ обойтись одно безъ другаго. На Западѣ существуетъ въ настоящее время весьма обширная литература какъ по изданію и разработкѣ памятниковъ разныхъ религій, такъ по сравнительной оцѣнкѣ различныхъ религіозныхъ системъ съ философской и богословской точки зрѣнія, такъ наконецъ по построенію цѣлыхъ опытовъ философіи исторіи религій.

Наша русская литература по предмету сравнительнаго изученія религій хотя и не такъ богата какъ иностранная, однакоже имѣетъ довольно значительное количество опытовъ, относящихся къ этому

предмету. Сюда относятся 1) вѣкоторыя переводныя сочиненія съ иностранныхъ языковъ и 2) оригинальныя, вышедшія изъ подъ пера нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Уже въ прошломъ вѣкѣ у насъ сознана была отчасти нужда сравнительнаго обозрѣнія религій. Въ 1793 году у насъ переведено было неизвѣстнымъ авторомъ Д. Т. сочиненіе французскаго учонаго Пасторета: „Зороастръ, Конфуцій и Магометъ, сравненные какъ основатели вѣръ, законодатели и нравоучители, съ приобщеніемъ табелей (сравнительныхъ таблицъ) ихъ догматовъ, законовъ и нравственности“ (Москва 1793 г.). Отъ XVIII вѣка сохранилось, къ сожалѣнію только въ рукописи, сочиненіе Амвросія Серебрякова, архіепископа екатеринославскаго, († 1792) „Сравненіе христіанства съ Алкораномъ“ ¹⁾.

Нельзя пройти здѣсь молчаніемъ труды членовъ нашей пекинской духовной миссіи, представляющіе собою весьма богатый матеріалъ для изученія восточныхъ религій. Мы назовемъ: „Извѣстіе о китайскомъ, нынѣ манчжурскомъ государствѣ“ Софронія, архимандрита и миссіонера пекинскаго († 1814 г.), ²⁾ гдѣ находится много интересныхъ свѣдѣній о религіозныхъ вѣрованіяхъ китайцевъ, о Конфуціѣ, Лао-тзе, о ламахъ, хошанахъ и проч.;— труды Іакинава Бичурина—тоже архимандрита пекинской миссіи и члена Академіи Наукъ († 1853): „Китай, его жители, нравы, просвѣщеніе“, ³⁾ „Буддійская міеологія“, ⁴⁾ „Описаніе религіи ученыхъ въ Китаѣ“ ⁵⁾ (Конфуціанство); сочиненіе архимандрита Палладія „Жизнеописаніе Будды“ ⁶⁾.

Съ половины текущаго столѣтія въ нашей богословской и философской литературѣ начали появляться опыты болѣе или ме-

¹⁾ См. Обзоръ русской духовн. лит. преосв. Филарета Черниговскаго.

²⁾ Напечатано въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и древн. 1861 г. кн. 2.

³⁾ Спб. 1840 г.

⁴⁾ Напечатано въ Русск. Вѣстникѣ 1841 г.

⁵⁾ Рукопись хранящаяся въ библіотекѣ Александро-Невской лавры.

⁶⁾ См. Труды членовъ російской духовной миссіи въ Пекинѣ. т. 1842 г.

нѣе систематическаго, историко и критико-сравнительнаго обозрѣнія языческихъ и вообще не христіанскихъ религій. Какъ на первую попытку въ ряду подобныхъ опытовъ, слѣдуетъ указать на сочиненіе покойнаго преосвященнаго Израиля, бывшаго ректора кievской духовной академіи: „Обозрѣніе ложныхъ религій: языческой, новоіудейской и магометанской“ (1849 г.). Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ этого сочиненія явилось двухтомное изслѣдованіе покойнаго профессора кievской академіи Ореста Новицкаго: „Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій въ связи съ развитіемъ языческихъ вѣрованій“ (1860 г.). Въ промежутокъ времени отъ 50-хъ до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія наша учоная литература обогатилась многими спеціальными монографіями, имѣющими своимъ предметомъ изслѣдованіе отдѣльныхъ исторически извѣстныхъ религій. Сюда относятся сочиненіе покойнаго преосвященнаго Нила архіепископа ярославскаго: „Буддизмъ, разсматриваемый, въ отношеніи къ послѣдователямъ его обитающимъ въ Сибири“ (1859 г.), труды по изслѣдованію исторіи буддизма и конфуціанства профессора казанскаго университета Ковалевскаго, по исторіи буддизма—профессора петерб. университета Васильева (Буддизмъ, его догматы, исторія и литература),— по изслѣдованію семитическихъ религій проф. Хвольсона и др. Въ то же время у насъ шла дѣятельная работа въ средѣ отечественныхъ ученыхъ по изслѣдованію греко-римской и древне-славянской мѣологіи. Разумѣемъ труды, относящіяся къ этимъ областямъ изслѣдованія, Уварова, Леонтьева, Сатлена, ¹⁾ Чистовича ²⁾, Касторскаго, ³⁾ Срезневскаго ⁴⁾ и другихъ отечественныхъ ученыхъ. Изъ нашихъ духовныхъ журналовъ особенно „Православный Собесѣдникъ“ много потрудился надъ изслѣдованіемъ магометанства и буддизма. Въ послѣднее десятилѣтіе почти одновременно въ нашей литературѣ явилось три сочиненія, имѣющія своимъ

¹⁾ О храмахъ, жрецахъ, богослуженія древнихъ грековъ.

²⁾ Древнегреческій міръ и христіанство въ отношеніи къ идеѣ безсмертія.

³⁾ Начертаніе славянской мѣологіи.

⁴⁾ О языческомъ богослуженіи древнихъ славянъ.

предметомъ сравнительное обозрѣніе религій: сочиненіе неизвѣстнаго автора: „Исторія религій и тайныхъ религіозныхъ обществъ древняго и новаго міра“, представляющая описаніе религій Индіи, Китая и Персіи (III ч. 1870 г. Спб.); сочиненіе пресвященнаго Хрисанова: „Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ Христіанству“ (III т. 1873—1878 г.) и сочиненіе проф. Васильева: „Религіи Востока: конфуціанство, буддизмъ и даосизмъ“ (1873). Каждое изъ этихъ сочиненій имѣетъ свои особенности: первое отличается больше описательно-повѣствовательнымъ характеромъ, не претендуетъ на проведеніе какого нибудь общаго философскаго взгляда на развитіе древнихъ религій и больше имѣетъ въ виду сообщеніе фактическихъ интересныхъ данныхъ изъ исторіи древнихъ религій, чѣмъ анализъ и обобщеніе этихъ данныхъ; второе представляетъ опытъ богословско-философскаго построенія исторіи религій; третье также не чуждо философскихъ обобщеній и выводовъ, но главнымъ образомъ посвящено филологическимъ и историко-археологическимъ изысканіямъ относительно обсуждаемыхъ въ немъ религій. Не упоминаемъ объ отдѣльныхъ ученыхъ монографіяхъ по предмету сравнительнаго изученія религій, появившихся у насъ за послѣднее время. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя изъ этихъ монографій, какъ напр. трудъ г. А. Гусева: „Нравственный идеалъ Буддизма въ его отношеніи къ христіанству“ (С.-Петербургъ 1874 г.) и др. показываютъ большую начитанность авторовъ и серьезно-осмысленное отношеніе къ дѣлу.

Итакъ мы не можемъ пожаловаться на особенную бѣдность и скудость нашей ученой литературы по сравнительному изслѣдованію религій. У насъ есть разнообразныя труды по этой части и изданы нѣкоторые памятники древнихъ религій. Сюда относятся напр. ученые изданія: Гг. проф. петербургскаго университета Коссовича „Saratustricae Getae“, Васильева (Даранаша), Минаева (Пратімкша-Сутра), Григорьева и др., нѣсколько переводовъ Корана Магомета и проч. Но вообще говоря изданіе памятниковъ древнихъ религій составляетъ у насъ едва початую почву и оставляетъ

желать еще очень многого. У насъ не переведены ни индійскія Веды, ни китайскія главнѣйшія св. книги, ни буддійскія сутры, ни персидская Зендавеста въ цѣломъ ихъ видѣ. Всѣ эти памятники давно уже переведены во всѣхъ иностранныхъ литературахъ на тамошніе языки; у насъ же переведены лишь нѣкоторые отрывки изъ нихъ нашими лингвистами и ориенталистами. Въ виду этого каждый хотя бы то и не особенно значительный вкладъ въ эту область новаго матеріала составляетъ по нашему мнѣнію полезное и во всякомъ случаѣ не лишнее приобрѣтеніе для нашей отечественной науки. Едвали нужно доказывать, что труды по этой части нашихъ отечественныхъ ученыхъ во всякомъ случаѣ не должны оставаться подъ спудомъ, — особенно же труды нашихъ оо. миссіонеровъ, долгое время жившихъ на Востокѣ и имѣвшихъ случай непосредственно ознакомиться съ тамошними религіями и ихъ памятниками. Одинъ изъ такихъ трудовъ представляетъ предлагаемый въ русскомъ переводѣ буддійскій рассказъ, сохранившійся въ числѣ рукописей покойнаго о. архимандрита Аввакума—извѣстнаго нашего отечественнаго синолога—и обязательно доставленный намъ Н. Ф. Леонтьевымъ, смотрителемъ астраханскаго духовнаго училища. Транскрипція собственныхъ именъ, названія лицъ, мѣстъ, городовъ, упоминаемыхъ въ этомъ рассказѣ, а равно и единственное примѣчаніе русскаго переводчика къ тексту указываютъ, что переводъ рассказа сдѣланъ съ китайскаго языка, хотя изъ того же примѣчанія видно, что самый оригиналъ рассказа принадлежитъ языку не китайскому. Предоставляя ученымъ спеціалистамъ и знатокамъ буддійской литературы изысканія касательно первоначальнаго подлинника предлагаемаго рассказа, мѣста и времени его происхожденія и его значенія въ ряду другихъ памятниковъ буддійской литературы, такъ какъ эти вопросы гораздо ближе извѣстны ученымъ спеціалистамъ, нежели намъ, мы съ своей стороны сочли нужнымъ сдѣлать лишь необходимыя для читателей пояснительныя подстрочныя примѣчанія къ тексту рассказа. Ученые спеціалисты лучше насъ оцѣнятъ предлагаемый буддійскій памятникъ и мо-

жетъ быть найдутъ возможнымъ полнѣе выяснитъ и опредѣлить его значеніе. По нашему мнѣнію предлагаемый буддѣйскій рассказъ по времени своего происхожденія не принадлежитъ къ слишкомъ древнимъ памятникамъ буддѣйской письменности. Если и не раздѣлять взгляда тѣхъ ученыхъ, которые всѣ вообще дошедшіе до насъ письменные памятники буддизма относятъ къ времени очень далекому отъ начала этой религіи и полагаютъ, что въ Индіи совсѣмъ даже не было письма во время первоначальнаго распространенія тамъ буддѣйской вѣры, то во всякомъ случаѣ происхожденіе предлагаемаго буддѣйскаго рассказа нельзя отнести къ очень отдаленному времени. Въ немъ упоминаются нѣкоторыя изъ такихъ ученій и учрежденій въ буддизмѣ, которыя, по признанію большинства ученыхъ спеціалистовъ, развились у буддистовъ лишь въ позднѣйшее время, какъ это увидятъ читатели изъ помѣщаемыхъ ниже примѣчаній. Тѣмъ не менѣе рассказъ этотъ не лишенъ значенія какъ вообще для сравнительнаго изученія религіи, такъ въ частности для богословской науки, и еще частіе для нашей русской богословской науки. Буддизмъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ самымъ распространеннымъ религіямъ на земномъ шарѣ.

Изъ всѣхъ языческихъ религіи, существующихъ въ настоящее время, больше всѣхъ послѣдователей имѣетъ Буддизмъ. Одни статисты насчитываютъ до 350 милліоновъ буддистовъ на земномъ шарѣ (Гурстъ), другіе доводятъ ихъ численность до 500 милліоновъ ¹⁾. Извѣстно, что и у насъ въ Россіи въ астраханской, смежной съ нею ставропольской губерніи и въ другихъ сопредѣльныхъ мѣ-

¹⁾ Всѣхъ язычниковъ на земномъ шарѣ считаютъ до 800,000,000. Изъ нихъ къ послѣдователямъ браманства принадлежитъ до 175,000 человекъ, къ послѣдователямъ конфуціанства — до 80,000,000 человекъ, къ послѣдователямъ парсизма — до 200,000 чел. Остальные принадлежатъ главнымъ образомъ къ буддизму. См. H ä b n e r, «statistische Tabellen», стр. 372; ср. H a u s h o f e r, «Lehrbuch der Statistik» 1872 стр. 513; K o l b e r, «Handbuch der vergleich. Statist. 1860 стр. 373 и др. Такъ какъ здѣсь приводятся только круглыя числа и притомъ лишь приблизительныя, то, само собою разумѣется, они не могутъ претендовать на математическую точность.

стахъ, а такъ же въ Сибири живетъ много послѣдователей буддизма. Изученіе ихъ воззрѣній на жизнь, ихъ религіознаго ученія, составляетъ въ виду уже одного этого одну изъ не послѣднихъ задачъ нашего богословія. Къ этому присоединяется еще одно весьма важное обстоятельство: выдвигающее эту задачу на болѣе видный планъ. Извѣстно, какую важную роль играетъ въ настоящее время буддизмъ не только у его послѣдователей, но и въ средѣ новѣйшихъ западныхъ рационалистовъ въ ихъ борьбѣ противъ христіанства. На долю буддизма выпало рѣдкое счастье заинтересовать собою современное образованное общество больше, чѣмъ всѣ прочія языческія религіи. Тогда какъ браманизмъ, парсизмъ, конфуціанство въ наши дни интересуютъ собою лишь не многихъ за исключеніемъ ученыхъ специалистовъ — санскритологовъ, зендологовъ, синологовъ и теологовъ, буддизмъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе далеко не однихъ специалистовъ и все больше и больше подстрекаетъ въ изученію и изслѣдованію людей ученыхъ. Это предпочтеніе зависитъ конечно отчасти отъ новизны предмета, — отъ того, что буддизмъ прежде былъ мало доступенъ для ознакомленія съ нимъ. Когда европейскіе ученые впервые обратили на него вниманіе, то новизна открытій и изданій неизвѣстныхъ прежде памятниковъ буддійской литературы естественно привлекала къ себѣ любопытство многихъ. Ученые, по остроумному замѣчанію проф. Васильева, „какъ номады нападавшіе на странствовавшихъ евреевъ или калмыковъ, насккивали на буддизмъ со стороны Цейлона и Бирмана, Китая и Японіи, Тибета и Монголіи съ землею калмыковъ“¹⁾. Какую бы книжку изъ обширной области буддійской литературы они не взяли и не перевели, и это уже доставляло имъ славу по новости предмета. Любопытство въ отношеніи къ буддизму еще больше подстрекалось оригинальностью буддійскихъ воззрѣній, не встрѣчающеяся въ другихъ религіозныхъ системахъ. Философы, богословы и вообще мыслящіе люди были, можно сказать, до извѣстной

¹⁾ Религія Востока стр. 105.

степени озадачены, когда древнѣйшіе памятники буддизма раскрыли предъ ними такую своеобразную форму религіи, которая въ теоріи не допускаетъ повидимому ничего, на чомъ могла бы держаться религія — ни бытія Бога, ни бытія боговъ, ни безсмертія чело­вѣка, и которая тѣмъ не менѣ могла овладѣть цѣлыми мил­ліонами чело­вѣческихъ душъ, въ качествѣ именно религіи. Явле­ніе это представляло особенный интересъ для философіи религіи и вызвало въ западной философской и богословской литературѣ ожи­вленные пренія по вопросу о томъ: составляетъ ли вѣра въ бытіе Божіе и въ безсмертіе чело­вѣка необходимое основаніе всякой во­обще религіи. Понятно, съ какимъ интересомъ ухватились за буд­дизмъ приверженцы пантеистическихъ и атеистическихъ теорій но­вѣйшаго времени. Они указывали на буддизмъ, какъ на факти­ческое подтвержденіе своихъ теорій, что религія возможна и безъ тѣхъ основъ, которыя до того времени считались существенными и необходимыми ея основами, на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, радуясь, какъ само собою понятно, этому открытію. Увлечение буд­дизмомъ съ этой стороны продолжалось правда не долго. Новѣй­шіе учоные изслѣдователи и путешественники, основательно изу­чившіе религію и обычаи народовъ исповѣдующихъ буддизмъ, до­казали, что между теоріей и практикою въ буддизмѣ почти нѣтъ ничего общаго. — Религіозное сознаніе народовъ принявшихъ буд­дизмъ не могло держаться въ беззвѣздной ночи этого мрачнаго міросозерцанія и постепенно снова наполнило олимпъ разными ви­дами боговъ, между которыми помѣщенъ самъ основатель буддиз­ма Шакы-Муни и множество другихъ Буддъ. Пресловутый „буд­дійскій атеизмъ“ въ буддизмѣ, какъ и вездѣ, составляетъ въ на­стоящее время принадлежность лишь немногихъ кружковъ, народ­ная же буддійская религія стоитъ повсюду на степени грубаго политеизма и омрачена безчисленнымъ множествомъ самыхъ разно­образныхъ суевѣрій. Точно также и многопрославленная буд­дійская „Нирвана“ только буддійскими мудрецами понимается въ смыслъ абсолютнаго ничтожества, въ которое погружается чело­вѣкъ

по смерти, въ смыслѣ пустоты, равнозначащей абсолютному „ничто“, народныя же массы, исповѣдующія буддизмъ, съ именемъ Нирваны соединяють больше представленіе о блаженномъ покоѣ на другомъ берегу жизни, о полусознательномъ, полусонномъ существованіи за гробомъ, словомъ—о состояніи квіетизма, бессознательнаго забытъя, бездѣйствія и покоя, подобнаго отчасти тому, какое восточный человѣкъ испытываетъ подъ влияніемъ опиума ¹⁾). Въ виду этихъ фактовъ, а равно и болѣе тщательнаго изученія древнѣйшихъ источниковъ буддизма существенно видоизмѣнился взглядъ большинства новѣйшихъ ученыхъ на первоначальный буддизмъ. Теперь уже не многіе держатся того мнѣнія, что буддизмъ выступилъ, въ качествѣ религіозной доктрины, съ проповѣдью атеизма и нигилизма и своимъ именно атеизмомъ и нигилизмомъ привлекъ къ себѣ толпы поклонниковъ. Большинство новѣйшихъ изслѣдователей исторіи буддизма въ первоначальныхъ проповѣдникахъ его видятъ или просто общину нищенствующихъ аскетовъ, неимѣвшихъ на первыхъ порахъ никакого опредѣленнаго теоретическаго ученія и довольствовавшихся проповѣданіемъ лишь практическихъ правилъ морали, или философскую школу, школу мудрецовъ, теоріи которыхъ въ совершенно видоизмѣненномъ видѣ легли въ основу буддизма, какъ религіи, получившей опредѣленный религіозный культъ.

Тѣмъ не менѣе буддизмъ не утратилъ интереса чрезъ это раскрытіе и объясненіе его первоначальной сущности. Осталась другая причина, возбуждающая особенное вниманіе къ нему, которая и на первыхъ порахъ по ознакомленіи съ нимъ европейскихъ ученыхъ играла немаловажную роль въ дѣлѣ поощренія ихъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ относительно буддизма. Это предполагаемое сходство буддизма съ христіанствомъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ ученія и во внѣшнихъ религіозныхъ учрежденіяхъ. Если въ 30-хъ годахъ текущаго столѣтія раціонализмъ изъ круга древнихъ

¹⁾ См. Bastian. «Die Weltauffassung der Buddhisten. Berlin. 1870.

языческихъ религій останавливался съ предпочтительнымъ пристрастіемъ на парсизмъ, думая найти въ немъ источникъ для разныхъ частей христіанскаго ученія, преимущественно для ученія о духовномъ мірѣ и о загробной жизни, то съ 50-хъ годовъ это предпочтеніе стало склоняться больше на сторону буддизма. Увлекаясь виѣшнимъ кажущимся сходствомъ буддизма съ христіанствомъ, сперва католическіе миссіонеры стали утверждать, что эта религія есть не что иное какъ искаженное христіанство. Потомъ не вѣрующіе писатели ухватились за буддизмъ для доказательства противоположной мысли, что не буддизмъ зависимъ отъ христіанства, а христіанство отъ буддизма. Вслѣдствіе этого интересъ къ буддизму возросъ; какъ вѣрующіе, такъ и невѣрующіе, хотя и по различнымъ побужденіямъ, равно интересуются: не откроется ли что нибудь въ буддизмѣ, что пролило бы побольше свѣта на его дѣйствительное отношеніе къ христіанству. Послѣ того, какъ Ренанъ въ своей пресловутой „Vie de Jesus“ поставилъ личность основателя буддизма рядомъ съ основателемъ христіанства, явился цѣлый рядъ другихъ раціоналистовъ, которые старались выставить на видъ сходство въ характерѣ Будды и Христа, въ ихъ ученіи, даже въ ихъ рѣчахъ и притчахъ и проч. Наконецъ въ ближайшее къ намъ время усиленію интереса къ буддизму не мало способствовала новѣйшая пессимистическая философская школа въ Германіи—школа необуддистовъ, какъ ее называютъ, считающая своими основателями Шопенгауэра и Гартмана. Школа эта, усвоивъ себѣ многіе элементы изъ буддизма, пророчитъ ему великую будущность и притомъ не гдѣ нибудь въ глубинѣ Азіи, а въ Европѣ, въ средѣ цивилизованнаго человѣчества, воспитаннаго въ нѣдрахъ христіанства. Извѣстно, что Гартманъ въ своемъ сочиненіи „о религіи будущаго“ предполагаетъ, что въ этой религіи будущаго, если только ей суждено будетъ когда нибудь явиться, буддійскіе элементы получатъ преобладающее вліяніе.

Понятно, что богословская наука и въ частности современная апологетика христіанства меньше всего можетъ игнорировать буд-

дизмъ, и въ виду того вниманія, какое оказываютъ ему противники христіанства, должна имѣть возможно болѣе точныя свѣдѣнія о немъ. Только при этомъ условіи она можетъ съ успѣхомъ бороться противъ раціоналистическихъ мнѣній о буддизмѣ и объ его отношеніи къ христіанству. Намъ кажется, что несостоятельность подобныхъ мнѣній лучше всего можетъ быть обнаружена подлинными памятниками буддизма, гдѣ онъ является въ его собственномъ, неприкрашенномъ видѣ, говоритъ самъ за себя, а не истолковывается такъ или иначе его изслѣдователями. Извѣстенъ тотъ пріемъ, какимъ пользуются раціоналисты, когда хотятъ доказать напр. сходство между буддизмомъ и христіанствомъ въ тѣхъ или другихъ воззрѣніяхъ. Выбравъ нѣсколько отдѣльныхъ изреченій о нравственности, приписываемыхъ Буддѣ—повидимости сходныхъ съ евангельскими, они готовы утверждать, что нравственный элементъ христіанства не представляетъ собой ничего особеннаго. Методъ этихъ мнимыхъ изслѣдователей состоитъ въ томъ, чтобы собрать изъ буддійскихъ сочиненій различныя отдѣльныя мѣста, заключающія въ себѣ правила сходныя съ тѣми, которыя внущаются христіанствомъ, и когда подобныхъ мѣстъ набрано довольно много, то трудъ считается оконченнымъ. Однакоже ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого метода въ области сравнительнаго изученія религіозныхъ и нравственныхъ системъ. Истинный духъ и характеръ каждой такой системы высказывается не столько въ отдѣльныхъ элементахъ, изъ которыхъ она составлена, сколько въ томъ способѣ, какимъ эти элементы слиты въ одно симметрическое цѣлое, чѣмъ опредѣляется общій типъ и складъ системы. Тѣ, которые увлекаются кажущимся сходствомъ буддизма съ христіанствомъ и въ доказательство этого мнимаго сходства указываютъ на изреченія Будды, на братства буддійскихъ аскетовъ, на видимый духъ кротости и мягкости исповѣдниковъ буддизма, на нѣкоторыя дѣйствительно недурныя правила ихъ морали—упускаютъ изъ виду принципиальную сторону дѣла. Они мало обращаютъ вниманія на то, въ какой связи эти правила находятся съ общими воззрѣніями буддизма,

какую имѣютъ для себя догматическую подкладку, между тѣмъ въ подлинныхъ буддійскихъ сочиненіяхъ связь эта выступаетъ весьма наглядно и освѣщаетъ буддійскія идеи совсѣмъ иногда другимъ, гораздо менѣе благоприятнымъ свѣтомъ, чѣмъ въ какомъ представляютъ ихъ поклонники буддизма изъ круга новѣйшихъ рационалистовъ.

Предлагаемый буддійскій рассказъ можетъ служить нагляднымъ подтвержденіемъ этого. Рассказъ этотъ имѣетъ своимъ предметомъ описаніе успѣховъ, сдѣланныхъ первыми проповѣдниками буддизма, и нравственныхъ началъ проводимыхъ буддистами. Онъ носитъ, какъ всѣ подобныя рассказы, идеалистическій характеръ, имѣетъ въ виду выставить буддизмъ, его основателя и его первыхъ проповѣдниковъ въ возможно благоприятномъ свѣтѣ. Кромѣ того на немъ нельзя не замѣтить отпечатка идей, чуждыхъ первоначальному буддизму, отчасти, можетъ быть, усвоенныхъ составителями его отъ христіанъ, и за всѣмъ тѣмъ мораль, проводимая въ немъ, далека отъ чистой христіанской морали. Стоитъ только прочесть рѣчи и притчи, влагаемыя рассказомъ въ уста самого Будды, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ христіанскихъ воззрѣній предъ буддійскими. Рѣчи эти, изложенныя въ приточной, или точнѣе говоря, въ сказочной формѣ, имѣютъ въ виду провести, вообще говоря, хорошія правила морали. Въ одной изъ нихъ проводится та мысль, что не слѣдуетъ бояться злыхъ людей, что козни злыхъ людей часто служатъ только къ прославленію добродѣтели. Въ другой внушается долгъ всѣми силами стараться о наставленіи ближнихъ и распространеніи добраго ученія. „Кто больше другихъ знаетъ, тотъ обязанъ больше другихъ сострадать незнающимъ и научить ихъ всему полезному. Малѣйшая лѣнь и нерадѣніе въ исполненіи этой обязанности влекутъ за собою строгое наказаніе“. Въ третьей проповѣдуется, что счастье и совершенство достигаются чрезъ собственныя усилія и мудрое пользованіе добрымъ совѣтомъ другихъ. Въ четвертой, — что люди не могутъ знать въ совершенствѣ своихъ ближнихъ, а потому никого не должны презирать; напротивъ всегда должны пи-

тать другъ къ другу взаимное уваженіе, что святой человѣкъ постоянно хранить въ сердцѣ кротость и не обижается за оскорбленія и проч. Но, вникая ближе во всё эти рѣчи, читатель легко можетъ замѣтить, что чистыя правила морали перемѣшаны въ нихъ съ многими суевѣрїями и имѣютъ подъ собою специфически буддїйскую подкладку. Въ каждой изъ упомянутыхъ рѣчей Будды, подъ покровомъ назидательныхъ изреченій и разказовъ о прошломъ проводится буддїйское ученіе о разнообразныхъ превращенїяхъ, которымъ подвергается человѣкъ до времени погруженїя въ Нирвану, — о возрожденїи однихъ въ область духовъ и ниспаденїи другихъ въ разрядъ низшихъ существъ. Всѣ разнообразныя положенїя и состоянїя людей представляются въ „рѣчахъ“ какъ воздаянїя людямъ за ихъ прежнїя дѣла, какъ плоды ихъ прошедшей жизни, пережитой ими въ вѣка минувшихъ періодовъ міра. Черезъ это вся моральная сторона рѣчей Будды получаетъ своеобразный оттѣнокъ, существенно понижающій ея достоинство. Человѣческая личность въ этихъ рѣчахъ является какимъ-то призракомъ, тѣнью, которая отъ времени до времени появляется на сценѣ міра, то въ одномъ, то въ другомъ видѣ, чтобъ послѣ многочисленныхъ перерожденїй и видоизмѣненїй найти свой покой въ непробудномъ снѣ безсознательности. Безусловное начало, господствующее надъ всѣмъ, превращается черезъ это во всепоглощающее ничто; является своего рода Хроносомъ, поглощающимъ своихъ дѣтей и неизвѣстно для чего выпускающимъ ихъ на свѣтъ. Его отношенїе къ человѣчеству представляется въ видѣ какой-то слѣпой игры, недостойной великаго разума и неспособной внушить человѣку достаточныхъ побужденїй ни къ серьезному труду, ни къ дѣятельному нравственному развитїю и усовершенствованїю. Всѣ герои выступающіе въ предлагаемомъ разказѣ представляютъ осязательное доказательство на это. Добродѣтели, которыми такъ щедро надѣляетъ ихъ разказъ, сводятся больше къ пассивнымъ качествамъ — къ терпѣнїю, отреченїю и разнымъ видамъ созерцательныхъ размысленїй, направленныхъ къ уничтоженїю въ себѣ личнаго самосознанїя. Они торжествуютъ,

когда доводятъ свое самосознаніе до такой степени, на которой человекъ можетъ сказать: „жизнь моя совершилась, я ни къ чему не чувствую ни любви, ни пристрастія“. Равнодушіе къ смѣнамъ исторической жизни и бездѣятельный квіетизмъ—вотъ наиболѣе выдающіяся черты ихъ нравственнаго характера. Здѣсь нѣтъ и слѣдовъ той нравственной силы и мощной энергіи духа, которую способно воспитывать въ людяхъ христіанство своимъ благотворнымъ вліяніемъ на ихъ духовное развитіе и усовершенствованіе. Буддизмъ по самому существу своему не только неблагопріятенъ, но положительно враждебенъ интересамъ культуры и прогресса. Его послѣдователи обречены на пассивную роль въ драмѣ всемірной исторіи и онъ не возвышается до истиннаго нравственнаго величія даже въ самой преувеличенной идеализаціи своихъ героевъ. Главный герой предлагаемаго буддійскаго разсказа, вокругъ котораго сгруппированы всѣ частности этого повѣствованія,—за выдѣленіемъ всего того, что носитъ на себѣ слѣды очевиднаго вымысла, каковы напримѣръ сказанія о его фантастическихъ чудесахъ, разнаго рода чудовищныхъ превращенійхъ, баснословныхъ обращенійхъ чрезъ него въ буддизмъ массы новыхъ послѣдователей и т. под.,—представляетъ типъ, довольно часто воспроизводимый съ различными варіаціями въ миѳическихъ сказаніяхъ, не чуждый отчасти и нашимъ русскимъ сказкамъ. Это типъ „умнаго дурачка“, которому въ разсказѣ усвоается своеобразное названіе „Глупой Улицы“ по причинамъ, о которыхъ читатель узнаетъ изъ самаго разсказа. Ему приписывается чудесное просвѣтленіе и превращеніе изъ крайне-тупоумнаго и глупаго въ великаго мудреца, аскета и чародѣя, благодаря содѣйствію Будды. По поводу его мнимой глупости разсказъ влагаетъ въ уста Будды между прочимъ слѣдующее изреченіе: „не тотъ глупъ, кто самъ себя считаетъ глупымъ, но тотъ глупъ въ собственномъ смыслѣ, кто при всей своей глупости считаетъ себя умнымъ“. Въ изображеніи его необычайныхъ качествъ разсказъ не только выдвигаетъ на видъ нравственныя черты его характера, которыя сводятся почти исключительно къ одному созерцанію и безропотному, терпѣливому пере-

несенію обидь и оскорбленій, сколько силится обрисовать его магическія, чудесническія и чародѣйскія свойства. Магическое искусство его не знало предѣловъ. Онъ могъ превращаться въ тысячу двѣсти пятьдесятъ бикшу (нищихъ), изъ которыхъ ни одинъ ничѣмъ отъ него не отличался по наружности. Онъ могъ протянуть руку съ дальняго мѣста, какъ царь слоновъ притягиваетъ свой хоботъ, и касаться отдаленныхъ отъ него предметовъ. Разсказъ заставляетъ его обращать въ буддизмъ цѣлыя тысячи людей, не влагая при этомъ въ уста его ни одной сильной рѣчи, которая могла бы служить объясненіемъ приписываемыхъ ему успѣховъ въ дѣлѣ обращенія, и довольствуясь лишь указаніемъ на тѣ или другіе изъ его фокусовъ. Наконецъ—разсказъ знакомитъ съ исторією его превращеній и видоизмѣненій, чрезъ которыя онъ проходилъ въ минувшіе періоды міра и путемъ которыхъ дошелъ до своего настоящаго положенія. Онъ въ отдаленныя времена былъ браминомъ, не любившимъ открывать свои познанія другимъ, и за свою несообщительность въ ученіи ниспалъ въ разрядъ низшаго сорта людей—въ классъ мясниковъ. Въ этомъ состояніи онъ успѣлъ загладить пороки первой своей жизни, но за то, что умертвилъ слишкомъ много животныхъ, ниспалъ въ разрядъ до крайности глупыхъ и тупоумныхъ людей. Двадцать тысячъ лѣтъ тому назадъ онъ слылъ подъ именемъ „продавца мышинаго золота“, нажившаго себѣ огромное состояніе, которое умѣлъ создать изъ ничего, начавъ свою торговлю съ продажи мертвыхъ мышей. Душа его въ одинъ изъ прошлыхъ періодовъ міра обитала также въ одномъ умномъ жеребенгѣ, обладавшемъ чудесными способностями...

Послѣ всего сказаннаго не стоитъ надобности пояснять, что предлагаемый разсказъ мы помѣщаемъ не съ какою нибудь мыслию назиданія, а единственно съ цѣлію дать читателямъ возможность судить о буддизмѣ не по однимъ, нерѣдко тенденціознымъ, толкамъ о немъ новѣйшихъ изслѣдователей, а по подлинному его произведенію, хотя, какъ замѣчено выше, и не могущему претендовать на слишкомъ глубокую древность, но тѣмъ не менѣе содержа-

щему обычныя буддійскія воззрѣнія. Позволяемъ себѣ думать, что предлагаемый рассказъ будетъ не безполезенъ не только для бого-слововъ, занимающихся сравненіемъ исторически извѣстныхъ религій и уясненіемъ ихъ отношенія къ христіанству, но и вообще для людей интересующихся религіозною наукою. Ознакомленіе съ этимъ рассказомъ, по нашему глубокому убѣжденію, cadaго безпристрастнаго читателя заставитъ недовѣрчивѣ относиться къ идеализаціи буддизма, столь обычной въ новѣйшей раціоналистической литературѣ, и больше цѣнить неизмѣримое превосходство христіанства предъ системами естественныхъ религій, въ средѣ которыхъ буддизму приписывается наиболѣе важное значеніе современнымъ раціонализмомъ.

II.

Буддійскій рассказъ

(переводъ съ китайскаго).

Въ то время когда Будда, вмѣстѣ съ своими биччу¹⁾, пребывалъ въ городѣ Ширваздѣ²⁾, въ саду Чжэ-до, жилъ въ томъ же городѣ одинъ браминъ³⁾, у котораго всѣ дѣти умирали при самомъ рожденіи. Однажды, когда жена его снова сдѣлалась бере-

¹⁾ *Биччу-бичху* — нищій, просящій милостыню. Община первоначальныхъ послѣдователей Будды представляла нѣчто въ родѣ ордена или братства нищенствующихъ. Первые послѣдователи Будды жили сначала въ загородныхъ садахъ, въ рощахъ, на кладбищахъ, или подъ деревомъ, на открытомъ полѣ, въ извѣстномъ разстояніи отъ человѣческаго жилища, въ которое они должны были ходить каждое утро для испрошенія милостыни на столько, на сколько нужно, чтобы быть сытымъ, поѣвъ одинъ разъ въ день послѣ полудня. Платье ихъ должно было состоять изъ лоскутievъ, вынутыхъ изъ помойныхъ ямъ или валявшихся на кладбищахъ, вообще случайно найденныхъ.

²⁾ *Ширвазда-Шравасти* — главный городъ въ сѣверномъ индійскомъ царствѣ Косала, недалеко отъ Фазабады.

³⁾ Именемъ *браминовъ-брамачарьевъ* назывались въ Индіи люди ведущіе нравственную жизнь, — анахореты. Эти анахореты, въ отличіе отъ буддійскихъ Бичху, жили хотя и въ уединеніи, но въ домахъ, семействами. Имя браминовъ сначала было общее и буддистамъ.

менна, онъ, подперши голову руками, сидѣлъ у своего дома въ глубокой печали. Старуха изъ сосѣдняго дома подошла къ нему и сказала: „Браминъ! о чемъ ты тоскуешь?“

— Какъ не тосковать мнѣ, отвѣчалъ онъ, когда жена моя опять беременна! Она весьма несчастлива: лишь только родить дочь или сына, дитя тотчасъ умираетъ.

— Когда наступитъ время родовъ, то ты позови меня, сказала старуха и удалилась.

Браминъ не забылъ объ этомъ, и передъ самыми родами своей жены пригласилъ къ себѣ старуху. Жена родила сына. Старуха тотчасъ вымыла его, завернула въ бѣлую тончайшую шерстяную ткань, вложила ему въ ротъ рожокъ съ самымъ лучшимъ молокомъ; потомъ призвала служанку и сказала: „возьми ребенка и ступай на перекрестокъ большой улицы; сядь тамъ и, когда будутъ мимо тебя проходить шерваги ¹⁾ и почтенные брамины, говори имъ со всѣми знаками уваженія такъ: Святые люди! Этотъ младенецъ кланяется вамъ въ ноги.—Къ вечеру, если ребенокъ не умретъ, ты принеси его домой; еслижъ умретъ, то оставь на улицѣ и возвращайся одна“.

Служанка взяла на руки ребенка и отправилась на перекрестокъ большой улицы. Тамъ, въ сторонѣ, она сѣла и ждала проходящихъ. Сперва проходили для утренняго поклоненія въ храмахъ духовъ люди не буддѣйской вѣры. Служанка, указывая на ребенка, всѣмъ имъ говорила съ почтеніемъ: „Святые люди! Этотъ ребенокъ кланяется вамъ въ ноги“—и всѣ они отвѣчали: „да будетъ счастливъ младенецъ, да не знаетъ онъ никакихъ болѣзней, да будетъ долготѣнъ, да сохранять его добрые духи,

¹⁾ *Шерваги-шраваки*—слушатели Будды, которые должны были затверживать наизусть то, что имъ преподавалось, и передавать это другимъ, такъ же изустно. Такъ назывались первые послѣдователи Будды. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, они такъ только и могли называться, потому что буддизмъ началъ свою письменность не тотчасъ по своемъ появленіи, и еще спорный вопросъ,—была ли вообще письменность въ Индіи во время появленія и первоначальнаго распространенія буддизма. Впослѣдствіи именемъ шраваковъ буддисты стали называть особый классъ избранныхъ судьбою изъ среды другихъ,—ближайшихъ учениковъ всеверховныхъ Буддъ.

да исполняются всѣ желанія его родителей!“ Потомъ входили въ городъ по той же улицѣ старшіе бикчу просить пищи. Служанка и имъ говорила тоже самое; бикчу такъ же желали всего добраго младенцу и его родителямъ. Наконецъ самъ „почитаемый міромъ“¹⁾, въ первую часть дня, надѣлъ на себя платье, взялъ чашку и сталъ входить въ городъ просить себѣ пищи. Служанка, лишь только его увидѣла, тотчасъ стала на колѣни, преклонила къ землѣ голову; потомъ сложила ладони и, указывая на младенца, сказала: „Почитаемый міромъ! тебѣ поклоняется этотъ младенецъ. Если онъ не умретъ до вечера, то я отнесу его домой; если-жѣ умретъ, то мнѣ приказано бросить его на этой дорогѣ.“ — „Да будетъ счастливъ твой младенецъ, сказалъ ей на это Будда; да не знаетъ онъ никакихъ болѣзней, да будетъ долголѣтенъ, да сохранять его добрые духи, да исполнятся всѣ желанія его родителей!“ Насталъ вечеръ. Видя, что младенецъ живъ, служанка взяла его и возвратилась домой. Отецъ и мать чрезвычайно радовались. Черезъ нѣсколько дней они пригласили къ себѣ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, угостили ихъ пышнымъ обѣдомъ и стали совѣтоваться съ ними, какое дать имя новорожденному. Согласились назвать его „Большою Улицей“, потому что онъ вдругъ послѣ рожденія былъ положенъ на большой улицѣ.

Мальчикъ „Большая Улица“ скоро выросъ. Въ немъ открылись такія необыкновенныя способности, что въ нѣсколько лѣтъ онъ научился всему, что только знали учителя города Ширвазды. Въ послѣдствіи времени онъ считался на родинѣ первымъ мудрецомъ и имѣлъ у себя пятьсотъ учениковъ.

Между тѣмъ у его отца снова родился сынъ. Снова позвали старуху, и она поступила съ новорожденнымъ точно такъ же, какъ и прежде. Разница вышла только въ томъ, что служанка полѣнилась идти на большую улицу, а сѣла съ младенцемъ въ маломъ переулкѣ. Впрочемъ проходящихъ было не мало, и всѣ они желали ребенку всякаго благополучія. Ввечеру, видя что ребенокъ

¹⁾ «Почитаемый міромъ» — эпитетъ Будды, употребляемый въ предлагаемомъ разсказѣ; въ другихъ буддійскихъ памятникахъ обыкновенный эпитетъ Будды — «самое» высшее существо между людьми» (санскр. пароттама).

живъ, служанка возвратилась съ нимъ домой. Отецъ и мать опять созвали къ себѣ всю родню и знакомыхъ и, съ общаго согласія, назвали новорожденнаго „Малой Улицей.“

Когда и этотъ ребенокъ подростъ, то отдали его въ училище. Но вкорѣ учитель сказалъ отцу: „я не могу учить твоего сына: онъ такъ глупъ и тупоумень, что ничего не понимаетъ и ничего не можетъ выучить. Сколько у меня перебивало учениковъ,—но ни одинъ небылъ такъ не способенъ.“ — „Если онъ неспособенъ учиться въ этой школѣ, подумалъ отецъ, то я отдамъ его въ другую; пусть онъ учится другимъ наукамъ.“ Онъ отдалъ его къ другому учителю; но и этотъ черезъ нѣсколько дней сказалъ тоже, что и прежній. Такимъ образомъ браминъ водилъ изъ школы въ школу своего сына, но ни одинъ учитель не продержалъ его у себя болѣе пяти дней: всѣ тотчасъ видѣли, что онъ ни къ чему неспособенъ. Городскіе жители узнали объ этомъ и прозвали Малую Улицу „Глупой Улицей.“ Всѣ забыли прежнее названіе и стали употреблять новое. Но браминъ весьма любилъ своего младшаго сына; куда ни ходилъ онъ, по дѣламъ или для прогулки, всегда бралъ его съ собою и ни на минуту съ нимъ не разлучался.

Послѣ, отъ тяжкой болѣзни, браминъ слегъ въ постель и, чувствуя, что его смерть приблизилась, призвалъ къ себѣ обоихъ сыновей и сказалъ имъ: „Дѣти! я умираю; но вы не печальтесь. Ты, старшій сынъ мой, не презирай своего брата, послѣ моей смерти, за то, что онъ родился тупоумнымъ; но раздѣляй съ нимъ и счастье и несчастье. Дѣти! любите другъ друга, какъ прилично братьямъ, и никогда не забывайте моихъ словъ.“ Потомъ сказалъ слѣдующее изреченіе Будды: „Все что собрано, разсѣется; что высоко лежитъ, упадетъ на низъ; что соединилось, разлучится; все что имѣетъ жизнь, должно умереть,“ —сказалъ, и скончался. Дѣти оплакали смерть своего отца, исполнили надъ нимъ всѣ похоронные обряды, отнесли тѣло его въ рошу и предали огню; потомъ возвратились домой въ глубокой печали.

Въ это время Шэри-бу и великій Модгалдана ¹⁾, съ пятью-

¹⁾ Шэри-бу=Шарипутра и Модгалдана=Маудгалъя-яна—ученики Будды,

стами бикчу, между народомъ, сопровождавшимъ ихъ, проходили черезъ царство Цзяоса-ло ¹⁾). Они дошли наконецъ до города Ширвазды. Городскіе жители, услышавъ объ ихъ приближеніи, вышли изъ города къ нимъ на встрѣчу. Между тѣмъ въ тоже время браминъ Большая Улица, внѣ города, подъ однимъ деревомъ, преподавалъ своимъ пятистамъ ученикамъ разныя наставленія. Увидѣвъ, что народъ толпами выходитъ изъ города, онъ спросилъ учениковъ: „куда это сегодня отправляются граждане?“ Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ: „Народъ услышалъ о приближеніи Шэри-бу и Великаго Модгалдана съ пятьюстами бикчу, и хочетъ ихъ встрѣтить.“ — „Что любопытнаго представляютъ эти люди?“ спросилъ учитель. „Я нѣкогда слышалъ, продолжалъ онъ, что всѣ они презрѣли званіе браминовъ, а нѣкоторые и званіе чадри ²⁾, для того, чтобы сдѣлаться отшельниками; поэтому стоятъ ли они такой торжественной встрѣчи?“ Между учениками былъ одинъ, по имени Монафуга, который давно чтилъ три драгоцѣнности ³⁾). Онъ

умершіе прежде своего учителя. Въ нѣкоторыхъ буддійскихъ памятникахъ они называются «верховною четюю». По буддійскимъ преданіямъ у Шэрипутры было 80,000, у Маудгалъ-яны 70,000, а у самого Будды 180,000 учениковъ. Мѣсто-рожденіемъ Шэрипутры считается браминское селеніе Налаца; здѣсь же онъ послѣ скончался. Со временемъ это селеніе опустѣло и оставался одинъ только памятникъ, воздвигнутый въ честь Шэрипутры; но индійскій царь Ашока, принеши ему великія жертвы, основалъ здѣсь большой храмъ Будды. Позднѣйшіе буддисты приписали Шэрипутрѣ и Маудгалъ-янѣ много сочиненій, подлинность которыхъ однакоже оснаривается учеными изслѣдователями исторіи Буддійской литературы (См. Исторію Даранаты, перев. проф. Васильева стр. 8 и дал.).

¹⁾ Цзяоса-ло = Сала — древне-индійское царство, лежавшее на Востокѣ.

²⁾ Чадри = Киатри — принадлежащій къ кастѣ воиновъ.

³⁾ «Три драгоцѣнности» — Будда, его ученіе и духовенство (санга). Ученіе о трехъ драгоцѣностяхъ по однимъ буддійскимъ преданіямъ составилось еще при жизни Будды, какъ это предполагается напр. и настоящимъ разсказомъ, по другимъ, оно составилось уже послѣ смерти Будды, во время индійскаго царя Аджаташатру. Этотъ царь, равно какъ и другіе цари, принявшіе Буддизмъ и всѣ послѣдователи Будды, рассуждалъ, что прежде они видѣли Будду, а теперь видятъ лишь его учениковъ, пришли къ сознанію драгоцѣнности личности Будды, его ученія и духовенства и постановили постоянно и съ благоговѣніемъ оказывать имъ почтеніе. Въ это время, какъ полагаютъ, явилось и ученіе о трехъ драгоцѣностяхъ; буддисты стали употреблять слѣдующую формулу въ качествѣ исповѣданія своей вѣры: «Я признаю свое приобщеніе къ Буддѣ, въ его ученіи или законѣ (д'арма) и въ союзѣ съ духовными (санга)» (См. сочиненіе Даранаты въ переводѣ проф. Васильева, стр. 6—8 ср. Кэппена, стр. 443).

отвѣчалъ: „Великій учитель! Не говори такъ: они все пріобрѣли плодъ святости и имѣютъ великія духовныя силы. Если, великій учитель, послушаешь ихъ ученія, то непременно сдѣлаешься ихъ послѣдователемъ и самъ оставишь домашнюю жизнь.

Настало для учениковъ свободное время. Нѣкоторые изъ нихъ пошли зѣвать по городскимъ рынкамъ, иные стали лазить по горамъ; одни рвали въ полѣ цвѣты, а другіе отправились въ храмы поклониться духамъ. Браминъ—учитель остался одинъ. Онъ такъ сталъ разсуждать самъ съ собою: „Монаху что-то слишкомъ хвалить ученіе Будды: не пойти ли мнѣ послушать, что говорятъ эти буддисты“?—И отправился отыскивать бикчу. За городомъ онъ увидѣлъ, что одинъ изъ нихъ прохаживается подъ огромнымъ деревомъ; подошелъ къ нему и сказалъ: „Бикчу! Скажи мнѣ чтонибудь изъ ученія Будды“. Въ отвѣтъ на это, бикчу во всей обширности объяснилъ ему ученіе о десяти порокахъ и наказаніяхъ, также о десяти добродѣтеляхъ и столькихъ же наградахъ, которыя за ними слѣдуютъ ¹⁾). Браминъ, выслушавъ это ученіе, почувствовалъ въ себѣ почтеніе къ Буддѣ и вѣру въ его религію. Онъ сказалъ: „Бикчу! спустя нѣсколько времени я опять приду къ тебѣ“. Потомъ разстался съ нимъ и ушелъ. Въ другое время, отпустивъ своихъ учениковъ, браминъ снова отправился къ бикчу и просилъ его объяснить еще что-нибудь изъ ученія Будды. Въ этотъ разъ, бикчу во всей обширности изложилъ ему ученіе о двѣнадцати Юань-шэнь ²⁾). Выслушавъ это ученіе, браминъ еще болѣе преж-

¹⁾ *Десять добродѣтелей*—не убивать, не красть, не прелюбодѣйствовать, не лгать, не кластся, избѣгать безолезной болтовни, не клеветать, не жадничать, не вредить другому, избѣгать расколовъ. *Десять пороковъ*—они происходятъ: 1) отъ тѣла: убійство, воровство, прелюбодѣяніе; 2) отъ слова: ложь, грубость, клевета, суесловіе; 3) отъ мысли: зависть, желаніе зла другому, заблужденіе. Буддійское ученіе о десяти добродѣтеляхъ и десяти порокахъ, особенно классификація послѣднихъ по родамъ и видамъ, по изысканіямъ ученыхъ не принадлежитъ первоначальной буддійской древности. Сходство этого ученія въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ ветхозавѣтнымъ «десятословіемъ», въ виду большей древности послѣдняго сравнительно съ первымъ (См. Религін Востока, проф. Васильева, стр. 64), скорѣе можетъ служить основаніемъ для предположенія о зависимости буддійскаго ученія отъ Ветхозавѣтнаго, чѣмъ для обратнаго заключенія.

²⁾ *Ученіе о двѣнадцати Юань-шэнь* — о двѣнадцати аскетическихъ прави-

няго почувствовали вѣру и уваженіе къ ученію Будды. Онъ сказалъ бикчу: „Святой человекъ! Не можешь ли ты исполнѣ преподавать мнѣ догматическое и нравственное ученіе своей религіи и принять въ свое общество ¹⁾? Я желалъ бы предъ лицомъ самого Будды совершать подвиги святой отшельнической жизни“.

— Ничто не мѣшаетъ, подумалъ бикчу, наложить на него яремъ религіи и дать ему въ руки свѣтильникъ ученія. Потомъ сказалъ браминъ: „если ты хочешь сдѣлаться ученикомъ Будды, то я могу исполнить твое желаніе“ ²⁾.

— Здѣсь я не могу вступить въ ваше общество, потому что здѣшніе жители всѣ меня знаютъ, сказалъ браминъ; я долженъ для этого отправиться съ тобою въ другое какое-нибудь мѣсто“.

Спустя нѣсколько времени бикчу отправились изъ города Ширвазды. Въ слѣдъ за ними пошелъ и браминъ—Большая Улица. За нѣсколько переходовъ отъ города, бикчу, который прежде преподавалъ ученіе брамину, принялъ его въ свое общество и снабдилъ всѣми отшельническими принадлежностями; потомъ сказалъ ему: „жизнь отшельниковъ, по опредѣленію Будды, имѣетъ двухъ родовъ занятія: одни изъ насъ проводятъ время въ чтеніи и изученіи

лахъ нравственности для бикшу, которыя, по буддійскому ученію, соответствуютъ двѣнадцати, какъ ихъ насчитываютъ, періодамъ развитія невѣжества называемымъ у буддистовъ «ниданами».

¹⁾ Нельзя сказать утвердительно, было ли въ самомъ началѣ буддизма вообще какое либо отчотливое ученіе и тѣмъ болѣе опредѣленное дѣленіе ученія на догматическое и нравственное. Подраздѣленіе буддійскаго ученія на догматическое или теоретическое и нравственное или аскетичку учонны изслѣдователи Буддизма относятъ къ позднѣйшему времени, склоняясь къ тому мнѣнію, что соответственно первоначальной идеѣ буддизма, — идеѣ нищенства, у первыхъ послѣдователей Будды одна аскетика составляла все и что первыя письменныя сочиненія буддистовъ, касались лишь нравственности (Религіи Востока, проф. Васильева, стр. 62).

²⁾ При жизни Будды, — какъ свидѣтельствуютъ и другіе буддійскіе памятники, — желающему вступить въ число его послѣдователей достаточно было изъяснить свое желаніе сдѣлаться бикшу и онъ становился бикшу. Но когда обязанности бикшу осложнились, то посвящаемого стали не только учить, но и допрашивать, свидѣтельствовать, испытывать, явился особый обрядъ посвященія въ званіе бикшу, называемый Пошады, составились правила для совершенія обрядовъ (карма), въ которыя включены 250 обітовъ, съ подраздѣленіемъ на 7 статей.

священныхъ книгъ ¹⁾, а другіе въ постоянномъ сидѣніи и размышленіи. Изъ этихъ двухъ занятій какое тебѣ больше нравится“? Новопринятый бикчу отвѣчалъ: „Учитель! Я хочу посвятить себя тому и другому“. Онъ съ того-же времени началъ въ теченіе каждаго дня заниматься изученіемъ священныхъ книгъ, и въ непродолжительномъ времени затвердилъ всѣ четыре истины ²⁾, а въ каждое утро и вечеръ занимался созерцательнымъ размышленіемъ ³⁾, и пресѣкъ всѣ страсти, приобрѣлъ степень архадра ⁴⁾, получилъ

¹⁾ Буддійская религіозная литература чрезвычайно обширна. Однихъ общепризнанныхъ и авторитетныхъ священныхъ книгъ у буддистовъ считается 108 томовъ (Wuttke «Geschichte d. Heidenthums» стр. 522). Но были ли какія нибудь священные книги у буддистовъ, во время первоначальнаго распространенія Буддизма, при жизни Будды—это вопросъ спорный между учеными изслѣдователями исторіи буддизма. (См. выше примѣчаніе).

²⁾ *Четыре истины*, заключающія въ себѣ сущность всего буддійскаго воззрѣнія: 1) что въ мірѣ все мучительно, а мучительно все потому, что 2) все не вѣчно, не прочно, обманчиво, весь міръ есть лучина, водоворотъ, вращеніе, лишь постоянный переходъ изъ одного состоянія въ другое; однимъ словомъ—*Сансара*, 3) человѣкъ подверженъ болѣзнямъ, старости и смерти и 4) онъ можетъ найдти покой лишь въ Nirvanѣ. Эта теорія о четырехъ истинахъ т. е. о мученіяхъ и ихъ причинѣ, объ уничтоженіи и пути, который ведетъ къ уничтоженію, своеобразно выражается въ слѣдующихъ положеніяхъ приписываемыхъ самому Буддѣ: Мученіе, сѣпленіе, отверженіе и путь.

³⁾ О разныхъ видахъ и степеняхъ созерцанія, практикуемаго въ Буддизмѣ см. подробное изслѣдованіе у проф. Васильева «Религіи Востока», стр. 109 и далѣе.

⁴⁾ *Степень Архадра*—*Архана* или *Архата*. Арханъ собственно значить «достойный, заслуживающій чествованія». Этимъ именемъ называется у буддистовъ герой, успѣвшій восторжествовать надъ препятствіями на пути къ совершенству, исторгнутъ изъ себя корень зла и проникнуть въ сокровенныя тайнства природы. Преимущество архана поставляется буддистами въ свободѣ отъ дальнѣйшихъ перерожденій; кто достигъ степени арханства, тотъ, по вѣрованію буддистовъ, не возвратится болѣе къ перерожденіямъ. Въ позднѣйшее время буддисты стали впрочемъ различать два вида архановъ: архановъ «съ остаткомъ» и архановъ «безъ остатка» т. е. менѣе совершенныхъ и болѣе совершенныхъ. Еще позднѣе надъ арханами возвышены лица высшаго чрезвычайнаго порядка—бодисатвы, будды и проч., тѣмъ не менѣе степень архана осталась все таки весьма важною. Для того, чтобы достигнуть званія архана, по буддійскому ученію нужно пройти сначала три низшія подготовительныя степени Сротаѣянака, Сакридагамва и Анагамина. Объ этихъ степеняхъ можно найдти свѣдѣнія у Кэпсена «Religion des Buddha» 398 стр. и д. у преосвящ. Нила «Буддизмъ» стр. 154 и дал. и у преосв. Хрисанова «Рел. др. міра» 1, 452 и далѣе.

три ясности и шесть чудесныхъ проницательныхъ способностей ¹⁾, также восемь отрѣшеній ²⁾,—и обо всемъ точныя познанія. Наконецъ его самосознаніе дошло до такой высокой степени, что онъ сказалъ себѣ: „моя жизнь совершилась; я кончилъ всѣ подвиги святости; все, что должно было сдѣлать, я сдѣлалъ: а потому я теперь независимъ отъ будущихъ обстоятельствъ“. Его умъ не находилъ для себя никакихъ препятствій, какъ рука, которая машетъ по пустому пространству, какъ ножъ, который разсѣкаетъ благовонный запахъ; ни къ чему онъ не чувствовалъ ни любви, ни страсти; онъ презрѣлъ славу и всѣ человѣческія выгоды; смотрѣлъ на все милое для людей обыкновенныхъ совершенно такъ же, какъ на золото, которое находится въ землѣ, но никѣмъ еще не отыскано. Словомъ: онъ приобрѣлъ такія необыкновенныя совершенства, что всѣ небесные духи стали оказывать ему почтеніе.

Когда созрѣли въ Большой Улицѣ такіе плоды, то онъ такъ сказалъ самому себѣ: „Трудясь надъ чтеніемъ и изученіемъ священныхъ книгъ и проводя цѣлыя ночи въ размысленіи, я наконецъ приобрѣлъ все, что долженъ былъ приобрести: теперь мнѣ

¹⁾ *Шесть чудесныхъ проницательныхъ способностей*—шесть ясновидѣній достигаемыхъ посредствомъ созерцаній и сопровождающихъ верховное званіе архана.

²⁾ *Восемь отрѣшеній* (вимокша)—постепенные переходы изъ одного состоянія въ другое съ помощью восьми мистическихъ созерцаній, посредствомъ которыхъ достигается верховное званіе. Въ первомъ отрѣшеніи созерцаются внѣшнія формы въ отвратительныхъ картинахъ до тѣхъ поръ, пока не получится свѣтъ восьми родовъ, въ которомъ явится изображеніе Будды. Во второмъ чрезъ разсматриваніе отвратительныхъ картинъ очищается внутренность и изъ внутренней чистоты выходитъ лучевой свѣтъ, освѣщающій всѣ десять странъ т. е. всю вселенную, всѣ міры. Третье отрѣшеніе состоитъ какъ во внутренней, такъ и внѣшней чистотѣ, при чемъ разсматривается одинъ свѣтъ во всемъ его великолѣпнн, и отъ того раждается самое глубокое созерцаніе, соединенное съ блаженствомъ. Четвертое отрѣшеніе заключается въ созерцаніи пустоты, когда отвергается предыдущій свѣтъ и душа погружается въ напряженное созерцаніе безграничнаго неба. Дальнѣйшія отрѣшенія образуютъ переходныя ступени къ безграничному знанію, къ «ничему», въ чемъ нѣтъ ни представленія, ни непредставленія, и наконецъ къ уничтоженію ощущенія и представленія или къ состоянію нирваны. Теоріи объ отрѣшеніяхъ могли явиться въ разное время, но могли и сначала составлять особую систему практики въ буддизмѣ; до нѣкоторой степени и начало самымъ теоріямъ объ отрѣшеніяхъ могло быть положено самимъ Буддою, который по преданіямъ склоненъ былъ къ созерцанію.

должно отправиться въ городъ Ширвазду, тамъ поклониться Буддѣ и во всю жизнь служить ему“. Приказавъ своимъ пятистамъ ученикамъ слѣдовать за собою, онъ надѣлъ платье, взялъ чашку ¹⁾ и отправился въ этотъ городъ, медленно переходя изъ одного мѣста въ другое. Граждане города Ширвазды, узнавши о приближеніи почтеннаго бикчу, сопровождаемаго пятьюстами учениковъ и множествомъ окрестныхъ жителей, толпами выходили изъ города къ нему на встрѣчу.

Младшій братъ бикчу, Глухая Улица, послѣ разлуки съ братомъ, приходилъ со дня на день въ большую бѣдность и наконецъ дошелъ до такой нищеты, что въ это время жилъ одними подаяніями. Увидѣвъ, что народъ толпами выходитъ изъ города, онъ спросилъ проходящихъ: „за чѣмъ вы, почтенные люди, бѣжите за городъ“? Ему отвѣчали: „Святой бикчу, Большая Улица, въ сопровожденіи пятисотъ учениковъ, приближается къ нашему городу: а потому мы всѣ идемъ за городъ къ нему на встрѣчу“. Услышавъ эту вѣсть, Глухая Улица такъ сказалъ самому себѣ: „Мой братъ приближается. Всѣ эти люди не только ему не братья, но даже и не родственники, а между тѣмъ бѣгутъ къ нему на встрѣчу: почему же мнѣ, его родному брату, не отправиться за городъ“? Потомъ въ слѣдъ за толпами народа онъ пошелъ на встрѣчу къ бикчу. Братья увидѣлись. Старшій обласкалъ младшаго и спросилъ его: „послѣ давней нашей разлуки какъ ты проводилъ жизнь? имѣлъ ли все нужное къ своему содержанію“?

— Нѣтъ, братъ отвѣчалъ младшій, мнѣ безъ тебя весьма трудно поддерживать свою жизнь.

— Почему жъ ты не оставишь свѣтской жизни и не вступишь въ мое теперешнее званіе?

— Какъ мнѣ можно рѣшиться на это, когда я такъ глухъ и ни къ чему неспособецъ? Да и кто согласится сдѣлать такого дурака отшельникомъ?

Большая улица и самъ еще несовсѣмъ зналъ своего брата. Онъ такъ подумалъ самъ съ собою: „Да нѣтъ ли хоть какихъ-нибудь

¹⁾ Символь нищенства. Первоначальные послѣдователи Будды обязывались ничего не имѣть у себя кромѣ чашки, въ которую собиралась милостыня.

добрыхъ качествъ въ моемъ братѣ? Нельзя ли принять его въ наше общество“? За тѣмъ внимательно посмотрѣлъ на него, подумалъ объ его прежней жизни и увидѣлъ, что въ немъ есть хорошіе корни; но сперва не зналъ, кому-бы поручить его; потомъ посмотрѣлъ на учениковъ своихъ, увидѣлъ между ними одного такого, которому можно было поручить брата, и сказалъ Глупой Улицѣ: „Я принимаю тебя въ наше общество“; совершилъ надъ нимъ обыкновенные обряды и снабдилъ его всѣми отшельническими принадлежностями. На первый разъ Глупой Улицѣ были назначены для изученія слѣдующія слова: „Тѣломъ, словами и мыслью зла не твори; тварямъ живущимъ остерегайся вредъ наносить; область желаній лишь пустота: тамъ, гдѣ нѣтъ пользы, ты не трудись“! Это изреченіе Глупая Улица твердилъ цѣлыхъ три мѣсяца, но не выучилъ. Пастухи, которые недалеко отъ него пасли свои стада, слушая его громкое и безпрестанное чтеніе, всё заучили эти немногія слова. Узнавъ объ этомъ, Глупая Улица съ чувствомъ величайшаго почтенія нерѣдко ходилъ къ нимъ въ поле и просилъ ихъ повторять это изреченіе, для того, чтобы удобнѣе затвердить его; и пастухи исполняли его просьбу.

У послѣдователей Будды было такое обыкновеніе: всё новопринятые ученики должны были дважды въ годъ собираться въ одномъ мѣстѣ: во-первыхъ, въ пятой лунѣ пятнадцатаго числа, во-вторыхъ, въ восьмой лунѣ также пятнадцатаго числа. Въ первый разъ они собирались для того, чтобы явиться къ своимъ учителямъ и получить отъ нихъ уроки для чтенія и размышленія. По полученіи уроковъ они обыкновенно отправлялись въ города и деревни и тамъ жили до слѣдующаго срока. Потомъ снова являлись къ своимъ учителямъ,—и если затвердили свои уроки, то просили у нихъ новыхъ. Всё ученики Большой Улицы, проживъ спокойно въ различныхъ мѣстахъ три мѣсяца, явились къ своему учителю на испытаніе. Тѣ изъ нихъ, которые по испытаніи оказались способными, получали новые уроки, а неспособные и тупые оставались безъ уроковъ и, по обычаю, должны были прислуживать прочимъ бикчу. Глупая Улица поступилъ въ разрядъ послѣднихъ. Бикчу, которымъ онъ сталъ прислуживать, сказали ему: „Глупая Улица!

почти все твои соученики получили отъ своего учителя новыя уроки: почемужь ты не просилъ себя какого-нибудь новаго занятія“?

— Я въ цѣлые три мѣсяца не могъ выучить десяти словъ,— отвѣчалъ Глухая Улица: зачѣмъ же мнѣ напрасно просить новаго урока?

— Развѣ ты не знаешь, сказали бичу, что, переставъ твердить заданный урокъ, будешь только со дня на день больше забывать его? Притомъ, возможно ли учить священныя книги, не умѣя читать ихъ? Ты лучше ступай къ своему учителю и проси его назначить человѣка, который бы научилъ тебя читать: тогда учить уроки для тебя ничего не будетъ стоить.

Глухая Улица, видя, что его такъ усердно убѣждаютъ, отправился къ своему учителю и сказалъ: „Великій учитель! прошу тебя поручить меня такому человѣку, который бы научилъ меня читать“. Выслушавъ просьбу своего ученика, Большая Улица такъ стала разсуждать самъ съ собою: „Глухая Улица хочетъ учиться читать; но самъ ли онъ на это рѣшился, или его склонили къ тому товарищи? А! я теперь вижу, что другіе убѣдили его къ тому ласковыми словами. Но я еще не знаю, какое средство для его наставленія дѣйствительнѣе—похвалы и ласки или выговоры и наказанія. О! я теперь вижу: чтобы научить его, надобно поступать съ нимъ какъ можно строже“. Большая Улица взявъ своего ученика за шею и вытолкалъ изъ комнаты, приговаривая: „Ты изъ глупцовъ глупецъ, изъ неспособныхъ самый неспособнѣйшій человѣкъ: можешь ли ты учиться нашей религіи?“ Глухая Улица выѣ комнаты плакалъ, билъ себя въ грудь и, вздыхая, говорилъ такъ: „я теперь не свѣтскій человѣкъ и не отшельникъ, я несчастнѣйшій изъ смертныхъ: кому теперь пожалуюсь на свою участь?“

Почитаемый міромъ имѣлъ обыкновеніе часто прогуливаться, то въ горахъ около источниковъ и протоковъ, то въ садахъ и лѣсахъ, то въ похоронныхъ рощахъ; нерѣдко также навѣщалъ и жилища своихъ бичу. Въ это время, по какому-то дѣлу, онъ шелъ къ бичу, Большой Улицѣ. Подойдя къ его комнатѣ, увидѣлъ плачущаго Глухую-Улицу и спросилъ его: „О чемъ ты такъ горько плачешь?“

— Я отъ природы глупъ, отвѣчалъ онъ, и чрезвычайно туноумень. За мою непонятливость и неспособность учитель мой прогналъ меня: теперь я ни свѣтскій человѣкъ, ни отшельникъ; теперь остается мнѣ только страдать, и нѣкому пожаловаться на свою участь.

— Съ тобою поступили несправедливо, сказалъ на это Почитаемый міромъ. Драгоцѣнное, святое ученіе произошло не отъ твоего учителя; не онъ въ безчисленное множество вѣковъ собралъ и составилъ его; не онъ перенесъ тысячи трудовъ для его изученія; не учитель твой принесъ его изъ-за шести боромидъ; нѣтъ! Святую религію я составилъ, я исполнилъ, я принесъ къ человѣкамъ. Хочешь ли ты у меня самого учиться моею религіею?

— Почитаемый міромъ! сказалъ новопринятый бикчу, я до крайности глупъ, и нѣтъ на свѣтѣ человѣка неспособнѣе меня къ ученію: какъ же осмѣлюсь я учиться у тебя, великій учитель всѣхъ учителей?

Выслушавъ отвѣтъ Глухой Улицы, Будда произнесъ слѣдующее изреченіе: „Не тотъ глупецъ, кто самъ себя называетъ глупымъ, но тотъ глупъ въ собственномъ смыслѣ, кто, при всей своей глупости, считаетъ себя умнымъ“.

Но не могло быть, чтобы самъ Почитаемый міромъ сталъ учить кого-нибудь по одному слову и по одной буквѣ: это было бы противно его достоинству. Онъ приказалъ Анандѣ ¹⁾ учить Глухую Улицу. Но Ананда вскорѣ увидѣлъ, что его новый ученикъ ничего не можетъ выучить. Онъ пошелъ къ Буддѣ, поклонился ему въ ноги и сталъ въ сторонѣ; потомъ сказалъ: „Почитаемый міромъ! Съ того времени, какъ я принялъ отъ тебя, великій учитель, три хранилища ученія, я преподавалъ и преподаю религію множеству учениковъ и браминовъ, но не въ состояніи учить Глу-

¹⁾ Ананда — любимый ученикъ и, по нѣкоторымъ буддійскимъ преданіямъ, двоюродный братъ Будды (См. преосв. Нила «Буддизмъ» 326 стр.). Буддисты усвояютъ ему титулъ святаго, аръ-я (тибет.), считаютъ его однимъ изъ первыхъ патріарховъ въ числѣ семи преемствъ, управлявшимъ буддійскою общиною въ продолженіи 40 лѣтъ по смерти Будды и приведшимъ въ различныя времена до 10,000 Бикшу въ состояніе арханства — высшаго нравственнаго совершенства, приписываютъ ему магическую силу и даръ чародѣйства (См. сочиненіе Даранаты въ переводѣ проф. Васильева, стр. 8—11).

пую Улицу“. Будда велѣлъ позвать къ себѣ новопринятаго бикчу; самъ сказалъ ему слѣдующія слова: „я сметаю пыль, я счищаю грязь“,—и велѣлъ при себѣ повторить ихъ; но, видя, что онъ и этихъ двухъ словъ не можетъ сказать въ порядкѣ и желая уничтожить въ немъ это величайшее помраченіе ума, спросилъ его: „Можешь ли ты для прочихъ бикчу чистить обувь?“¹⁾—„Могу“, отвѣчалъ онъ.—„Итакъ ступай и чисть“, сказалъ Будда.

Получивъ приказаніе, Глупая Улица отправился; но Бикчу не позволяли ему чистить своей обуви. Будда сказалъ имъ: „Вы не препятствуйте ему чистить вашей обуви, но старайтесь уничтожить въ немъ помраченіе ума и учите его тѣмъ двумъ словамъ, которыя назначилъ я для его урока“. Бикчу позволили ему чистить башмаки и заставляли повторять слова: „сметаю пыль, счищаю грязь“. Онъ цѣлый день трудился языкомъ и руками, и наконецъ выучилъ первый урокъ въ своей жизни.

Въ слѣдующую ночь Глупая Улица такъ сталъ разсуждать самъ съ собою: „какую мысль заключаетъ въ себѣ урокъ, пазначенный мнѣ отъ Почитаемаго міромъ? Нечистота бываетъ двухъ родовъ, одна внутренняя, а другая наружная: давая мнѣ наставленіе, которую изъ нихъ разумѣлъ Будда? Въ собственномъ ли смыслѣ должно понимать его слова, или въ таинственномъ“. При этомъ размышленіи вдругъ родилась въ немъ понятливость, добрые корни пустили ростки, помраченіе умственныхъ способностей исчезло. Въ немъ раскрылись такія понятія, о которыхъ онъ прежде ничего и не слышалъ; въ умѣ его раждались во множествѣ превосходныя мысли, которыя прежде никогда не приходили ему на умъ. „А! продолжалъ онъ, теперь я понимаю: нечистота, о которой сказалъ Почитаемый міромъ, не есть наружная грязь, а внутренняя духовная нечистота въ человѣкѣ: это—похоть, жадность, гнѣвъ и глупость.

¹⁾ Сначала послѣдователи Будды не имѣли обуви. Профессоръ Васильевъ появленіе у буддистовъ обуви относить къ тому времени, когда имъ пришлось зайти за Гималайскія горы и странствовать по пустынямъ, при чомъ прежде всего сказались поги, незнавшія доселѣ обуви. Въ поясненіи обуви г. Васильевъ признаетъ первое отступленіе буддійскихъ бикшу отъ первоначальнаго образа ихъ жизни («Религія Востока», стр. 58).

Человѣкъ мудрый можетъ смести съ себя эту пыль, а тотъ, кто поблажаетъ себѣ, навсегда останется нечистымъ“.

Глупая Улица, чувствуя въ себѣ раскрытіе умственныхъ способностей, началъ по правиламъ упражняться въ отшельническихъ подвигахъ, и совершенно избавился отъ трехъ ядовъ; онъ употребилъ все мужество и стараніе и уничтожилъ въ себѣ всѣ страсти; и такимъ образомъ немедленно приобрѣлъ святую степень архадра; сдѣлался ко всему равнодушнымъ; прекратилъ въ себѣ всякое пристрастіе, и не имѣлъ уже въ себѣ любви двоякаго рода, ибо любилъ все и вмѣстѣ не любилъ ничего; онъ разбилъ скорлупу неясности и на вѣки освободился изъ кѣтки умственного мрака. Всѣ небесные духи стали оказывать ему почтеніе. Словомъ: это самое мы выше уже описали пространно.

Занимаясь размышленіемъ, Глупая Улица сидѣлъ поджавъ ноги, не вставая съ своего мѣста. Случилось проходить мимо его Большой Улицѣ. Хотя онъ былъ и архадръ, но извѣстно, что люди этой степени, безъ предварительнаго изслѣдованія, еще не могутъ знать всего; а потому онъ, не зная еще о необыкновенной перемѣнѣ, происшедшей въ младшемъ братѣ, лишь только увидѣлъ его въ такомъ состояніи, тотчасъ взялъ его за плечо и сказалъ ему: „послушай, встань и прежде учи священные пункты ученія; а послѣ ужъ начинай заниматься размышленіемъ“. Глупая Улица, видя къ себѣ благосклонность старшаго брата, — который коснулся его плеча и велѣлъ встать, — хотя и не тронулся съ своего мѣста, но, какъ царь слоновъ протягиваетъ свой хоботъ, такъ онъ, чудесною силою, протянулъ свою руку и отвелъ его отъ себя на нѣсколько шаговъ. Большая Улица, оглянувшись и увидѣвъ это необыкновенное чудо, спросилъ: „Какъ ты приобрѣлъ эту чудесную силу“¹⁾? Но Глупая Улица не сказалъ ему на это ни слова.

¹⁾ Всѣ почти проповѣдники буддизма, достигшіе особеннаго «просвѣтленія», представляются въ буддійскихъ разсказахъ магиками, имъ приписывается чародѣйская сила (мантра) и сила заклинаній (дарани). Мнимыя чудеса буддійскихъ проповѣдниковъ большею частію, по своему содержанію, мелочны и тривіальны; больше поражаютъ своею странностію и чудовищностію, нежели какими нибудь возвышенными нравственно благотворными цѣлями, чѣмъ характеризуется истинное чудо. Герой предлагаемаго разсказа не возвышается надъ

Послѣдователи ложныхъ вѣръ, узнавъ, что столь тупоумный человѣкъ сдѣлался наконецъ, по понятію буддистовъ, совершеннымъ бикчу, стали такъ говорить между собою: „Намъ сказывали ученики Будды, что они учатся глубочайшей и непостижимой вѣрѣ; что религія ихъ можетъ быть постигнута только людьми, умѣющими глубоко размышлять и надѣленными необыкновенною силою ума: не правдали, что все это одни пустыя слова? А почему? Да вотъ, мы видимъ: Глупая улица—глупѣйшій изъ глупцовъ, тупѣйшій изъ тупицъ—все постигъ, все приобрѣлъ: Какая же теперь глубина и мудрость въ ученіи Будды“? Почитаемый міромъ зналъ, какъ они злословятъ религію и учениковъ его и такъ сталъ разсуждать самъ съ собою: „Вотъ мой ученикъ! Его добродѣтели и совершенства необыкновенны: почему же всѣ его презираютъ? Нѣтъ! Я немедленно хочу заставить всѣхъ узнать его совершенства“. Потомъ сказала Анандѣ: „Ступай навѣсти Глупую Улицу и прикажи ему завтра преподавать что-либо изъ моего ученія женщинамъ-бикчу“¹⁾). Ананда передалъ при-

обычными типами буддійскихъ чародѣевъ; всѣ «чудеса» приписываемыя ему въ разсказѣ носятъ ясный отпечатокъ легендарнаго происхожденія. Въ основѣ ихъ лежитъ та буддійская мысль, что для того, кто сталъ выше закона «превращеній», не существуетъ пространства. Онъ можетъ коснуться рукою какого угодно отдаленнаго предмета, принять какой угодно видъ, явиться въ какой угодно формѣ и исчезнуть, летать по воздуху и проч.

¹⁾ *Женщины-Бикшу.* Вопросъ о томъ, были ли допущены въ буддійскую общину женщины, въ качествѣ бикшу, самимъ Буддою, или—это позднѣйшее явленіе въ Буддизмѣ, рѣшается учеными не одинаково. По нѣкоторымъ буддійскимъ разсказамъ, хотя принятіе женщинъ въ общество бикшу дозволено Буддою, но это допущеніе послѣдовало не вдругъ, а лишь послѣ неоднократныхъ усиленныхъ просьбъ со стороны женщинъ и ходатайства за нихъ любимаго ученика Будды—Ананды. Проф. Васильевъ видитъ въ этомъ доказательство того, что это явленіе позднѣйшее въ буддизмѣ, что сначала это допущеніе принято было съ неудовольствіемъ и указываетъ между прочимъ на то, что этому нововведенію приписывалось даже паденіе Буддизма («Религ. Вост.», стр. 59—60). Но значить ли это, что принятіе женщинъ въ буддійскую общину—дѣйствительно позднѣйшее явленіе, или на оборотъ, что позднѣйшій Буддизмъ относился къ этому съ сомнѣніемъ и неодобреніемъ—это спорный вопросъ. (См. «Религіи др. міра», преосв. Хр. т. 1, стр. 444). Какъ бы то ни было впрочемъ, но несомнѣнно, что когда въ Буддизмѣ явились цѣлыя учрежденія общинной жизни, бикшу, то между этими учрежденіями явились и женскія общины. Число общинъ женщинъ-бикшу увеличено сравнительно съ мужчинами. Каждая изъ нихъ должна приходиться въ теченіе 40 дней ежедневно за наставленіемъ къ учителю-бикшу. Для посвященія ея въ званіе бикшу требуется предварительное двухго-

казаніе Будды. Вотъ что думалъ Глухая Улица, получивъ это приказаніе: „Какое намѣреніе имѣлъ Почитаемый міромъ, оставивъ всѣхъ старшихъ бикчу, приказать мнѣ на завтрашній день быть учителемъ женщинъ-бикчу? А! я понимаю: онъ желаетъ сдѣлать всѣмъ извѣстными вновь пріобрѣтенныя мною совершенства: итакъ я долженъ выполнить намѣреніе великаго учителя“.

Въ тотъ же день вечеромъ женщины-бикчу пришли въ общину Будды просить себѣ учителя. Они спросили бикчу, управлявшаго дѣлами общины: „Святой человѣкъ! Кто намъ завтра будетъ преподавать ученіе?“ Тотъ отвѣчалъ имъ: „Почтенный Глухая Улица“. Услышавъ это, одна изъ женщинъ такъ сказала своимъ сестрамъ: „Человѣколюбивыя! изъ этого видно, что высоко-добродѣтельные мужи презираютъ насъ, женщинъ, и смѣются надъ нами. Бикчу, о которомъ намъ говорятъ, въ три мѣсяца не могъ выучить одного полуступиціа, а его посылаютъ къ намъ учителемъ! Между нами есть такія бикчу, которыя постигли всѣ три сокровища и не запинаясь могутъ обо всемъ разсуждать и все доказывать, которыя сами давно уже сдѣлались великими учительницами религіи: за чѣмъ же приказано Глупой Улицѣ быть нашимъ учителемъ? Но мы пойдемъ испытаемъ его“. Они пришли къ назначенному для нихъ учителю, поклонились ему въ ноги и сказали съ почтеніемъ: „Учитель! Подумай объ отшельникахъ обители царскаго сада: всѣ онѣ поклоняются тебѣ и говорятъ такъ: Высокодобродѣтельный! Да будетъ у тебя мало болѣзней и мало безпокойствъ! Легко ли и съ пользою живешь, спокойно ли и съ удовольствіемъ дѣйствуешь? Мы всѣ просимъ тебя преподать намъ ученіе“. — „Ао-бэй-тя“ ¹⁾, отвѣчалъ

дичное приготовленіе. Каждая изъ нихъ должна относиться съ почтеніемъ къ каждому даже самому малоинтному бикшу, хотя на дѣлѣ это и не всегда случается, какъ показываетъ между прочимъ и предлагаемый разсказъ. Прежде женщины-бикшу имѣли посвященія въ тѣ же высшія степени, какъ и мужчины. Нынѣ этого нѣтъ.

¹⁾ Это слово значить «полезно, способствовать». Отвѣтъ значить: все, о чемъ вы спрашиваете меня, въ добромъ состояніи. Китайскій переводчикъ, который дѣлаетъ это примѣчаніе, прибавляетъ: можно бы перевести это слово такъ: все хорошо; но въ такомъ случаѣ утратился бы тотъ религіозный смыслъ, который разумѣли подъ симъ словомъ индѣйскіе буддисты. *Примѣч. переводчика.*

бикчу. Отшельницы тотчас подумали: „А! онъ умѣетъ говорить „Ао-бэй-гя;“ потомъ простились съ нимъ и ушли домой.

Когда они пришли въ свою общину, то прочія отшельницы спросили ихъ: „Сестры! Кто будетъ завтра преподавать намъ ученіе?“ — „Святой Глухая Улица“, отвѣчали онѣ. — Услышавъ объ этомъ, всѣ женщины-бикчу согласились вотъ на что: „Такъ какъ высокодобродѣтельные явно презираютъ насъ женщинъ, посылая къ намъ такого учителя, который самъ въ цѣлые три мѣсяца не могъ выучить десяти словъ, то мы поступимъ такъ: пусть шесть сестеръ приготовятъ учительское сѣдалище вышиною въ двѣнадцать локтей, а другія шесть пусть идутъ въ городъ и пригородныя селенія и объявятъ во всѣхъ улицахъ и переулкахъ такъ: знайте всѣ, что сегодня послѣ полудня, въ общинѣ царскаго сада, одинъ великій учитель вѣры, разсуждающій обо всемъ не запинаясь, будетъ преподавать женщинамъ-бикчу превосходное ученіе: желающіе могутъ слышать и научиться. Знайте, что колесо жизни и смерти непрерывно катится впередъ, и назадъ не возвращается. Народу соберется много, продолжали онѣ говорить между собою; всѣ захотятъ послушать ученія, и если бикчу Глухая Улица будетъ молчать или не удовлетворитъ ожиданію народа, то всѣ осмѣютъ его, и послѣ посмотримъ, будутъ ли высокодобродѣтельные посылать къ намъ глупцовъ для преподаванія религій“. Когда всѣ согласились на это, то шесть сестеръ занялись устройствомъ учительскаго мѣста, а другія шесть отправились звать всѣхъ въ свою общину.

На другой день рано поутру бикчу Глухая Улица надѣла платье, взяла свою чашку и пошла въ городъ Ширвазду просить себѣ пищи. Собравъ нужное для себя количество пищи, онъ возвратился въ свое мѣсто; пообѣдалъ, убралъ свое платье и чашку; потомъ опять вошелъ въ свою комнату и сталъ продолжать свои размышленія. Когда солнце начало склоняться къ западу, онъ всталъ съ своего мѣста и, взявъ съ собою одного изъ бикчу, отправился въ общину царскаго сада. Тамъ собралось уже безчисленное множество народа. Одни изъ пришедшихъ давно уже имѣли расположеніе къ святому ученію, другіе только по настоящему случаю рѣшились послушать учителя. Увидѣвъ, что входятъ въ общину

два бикчу, всё спрашивали другъ друга: „который изъ нихъ учитель вѣры?“ Когда же всё узнали, что тотъ, который идетъ впереди, будетъ преподавать ученіе,—а это былъ Глупая Улица,—то съ пренебреженіемъ и презрѣніемъ стали говорить такъ: „женщины-бикчу, какъ видно, хотѣли посмѣяться надъ нами; у нихъ не было другаго намѣренія. Глупая Улица, который въ три мѣсяца не могъ затвердить одного полустипія, назначенъ во всенародные учителя!! Можетъ ли онъ чему-нибудь научить насъ? Но мы подождемъ, продолжали они; посмотримъ, что будетъ. Если онъ въ состояніи что-нибудь сказать намъ, то мы послушаемъ; если-жъ увидимъ, что надъ нами издѣваются, то уйти домой еще не будетъ поздно“. Народъ усѣлся и сталъ замѣчать всё движенія учителя.

Почтенный Глупая Улица, увидѣвъ, что приготовленное для него учительское сѣдалище несравненно выше обыкновеннаго, сперва не зналъ, чему приписать это: презрѣнію ли къ себѣ или уваженію; но вдругъ понялъ, что женщины-бикчу нарочно для того приготовили такое высокое мѣсто, чтобъ надъ нимъ лучше посмѣяться. Тоже самое желаніе онъ замѣтилъ и въ нѣкоторыхъ изъ посѣтителей, и ни въ комъ не видѣлъ къ себѣ ни малѣйшаго почтенія. Онъ подошелъ къ назначенному для него мѣсту, протянулъ свою правую руку,—какъ слонъ протягиваетъ длинный хоботъ,—и положилъ ее на самой верхушкѣ сѣдалища, желая тѣмъ показать, что оно для него не только не высоко, но даже мало и низко. Потомъ онъ сѣлъ.

Такъ какъ посѣтители занимали весьма обширное мѣсто, то не всё изъ нихъ могли видѣть учителя вѣры, а потому онъ заключился на минуту въ своемъ сердцѣ и вошелъ въ состояніе самади ¹⁾). Вдругъ онъ скрылся, потомъ опять показался на своемъ мѣстѣ и стрѣлою пустился по воздуху на востокъ. Всё видѣли его необыкновенное величіе; всё видѣли какъ изъ его тѣла льется вода и вмѣстѣ пышетъ пламя. Онъ такимъ образомъ сдѣлалъ осьмнадцать различныхъ превращеній. Съ южной стороны, сѣверной и за-

¹⁾ Словомъ «самади» называется глубокое размышленіе, внутреннее созерцаніе или погруженіе духа въ себя.

падной—точно такъ же. Показавъ свои чудесныя силы, учитель опять сѣлъ на своемъ мѣстѣ и сказалъ: „женщины-бикчу! хотите ли вы слышать изъясненіе тѣхъ словъ, которыя училъ я три мѣсяца? Если вы хотите, чтобъ я объяснилъ вамъ смыслъ каждаго изъ этихъ словъ, то для этого недостаточно было бы семи дней и семи ночей. Но слушайте! Тѣломъ, словами и мыслью зла не твори. Сими словами Будда запрещаетъ всѣмъ живымъ существамъ дѣлать зло. Во-первыхъ не творите зла тѣломъ: отъ него происходятъ три главнѣйшія преступленія: убійство, воровство и прелюбодѣянiе. Во-вторыхъ не творите зла словомъ: языкъ можетъ быть причиною четырехъ пороковъ: лжи, клеветы, сквернословiя и лести. Въ-третьихъ не дѣлайте зла мыслью: отъ ней происходятъ три важнѣйшія преступленія: вожделѣніе, гнѣвъ и ложныя разсужденія. Почитаемый міромъ желаетъ, чтобы мыслящія существа не предавались ни одному изъ сихъ пороковъ и преступленій“. Затѣмъ учитель сталъ объяснять примѣрами каждый изъ сказанныхъ имъ пунктовъ. Прежде чѣмъ онъ кончилъ свое преподаваніе, двѣнадцать тысячъ изъ его слушателей уже избавились отъ внутренней нечистоты, приобрѣли религіозный взглядъ на вещи и ясно усмотрѣли истину. Многіе даже получили разныя степени святости, и всѣ увѣровали въ ученіе Будды, всѣ стали чтить три драгоценности и восхвалять неслыханныя чудеса учителя.

Почтенный бикчу, объяснивъ нужнѣйшіе пункты ученія и показавъ сколь полезно и прiятно ему слѣдовать, всталъ съ своего мѣста и удалился; а отшельницы съ радостію приняли его наставленіе, и послѣ между собою не упоминали уже отъ стыда о прежнихъ своихъ замыслахъ, но всѣ молчали. Нѣкоторые изъ бикчу, увидѣвъ, что преподаватель ученія возвратился, такъ говорили между собою: „сколько-то народу Глухая Улица сегодня заставилъ не вѣрить нашей религіи и презирать всѣ три драгоценности?“ Но они не смѣли сказать этого ему самому, а спросили бикчу, который былъ ему спутникомъ: „Много ли народу сегодня отклонили вы отъ вѣры?“ — „Неслыханное дѣло!“ тотъ отвѣчалъ имъ. „Ни одинъ человекъ не остался въ сомнѣніи на счетъ нашего ученія. Самъ Почитаемый міромъ Будда часто долженъ бы-

ваетъ неоднократно вращать колесо ученія ¹⁾ для того, чтобъ убѣдить слушающихъ его духовъ и людей, а Глупая Улица лишь только поворотилъ колесо, не успѣлъ еще кончить толкованія на одно полустипіе,—и безчисленное множество народа получили различныя степени святости, и всѣ слушатели покорились тремъ драгоценностямъ“. Между тѣмъ Глупая Улица пошелъ къ Буддѣ, поклонился ему въ ноги и сѣлъ въ сторонѣ. Будда сказалъ своимъ бичку: „Изъ всѣхъ моихъ учениковъ самый добросердечный и наиболѣе отрѣшенный есть Глупая Улица“. По этому случаю Почитаемый міромъ восхвалялъ тѣхъ, которые строго соблюдаютъ заповѣди и чрезъ то весьма скоро пріобрѣтаютъ отрѣшеніе, и укорилъ тѣхъ, которые, нарушая ихъ, непрерывно тонуть, то опять всплываютъ въ морѣ смертей и рожденій.

Узнавъ все происходившее въ общинѣ царскаго сада, всѣ бичку были въ большомъ недоумѣніи. Они спросили Будду: „Почитаемый міромъ! почему отшельницы замыслили зло противъ Глупой Улицы, и какъ случилось, что этотъ замыселъ послужилъ только къ его чести?“ На это отвѣчалъ имъ Будда: „Это не въ первый разъ; тоже самое уже происходило и въ давно прошедшія времена. Слушайте!“

¹⁾ Буддисты убѣждены, что въ мрачную таинницу ихъ ученія можно проникнуть не иначе, какъ съ «ключомъ закона». Выраженіе «вращать или вертѣть колесо ученія» у нихъ служитъ обычнымъ терминомъ для означенія понятія объ особенномъ искусствѣ ученія. Колесо кромѣ того имѣетъ у буддистовъ и другое—символическое значеніе; оно изображаетъ постоянный круговоротъ жизни. Поэтому между прочимъ у тибетскихъ буддистовъ считается священнымъ занятіемъ вертѣть колесо, на которомъ написана таинственная формула «Омъ Мані, надъ, ме, омъ», напоминающая имъ, по толкованію ученыхъ, сансару—постоянную текучесть и непрочность вещей. Формула эта надписывается множество разъ на длинныхъ лентахъ, которыя наматываются на колеса разной величины, вертѣть которыя буддисты считаютъ душеспасительнымъ дѣломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти молитвенныя машинки ставятъ на вѣтру, гдѣ они приводятся въ движенія крыльями мельницъ, или на проточной водѣ, которая даетъ вращательное движеніе колесамъ. Этотъ странный способъ спасенія, напоминающій бѣганье бѣлки по колесу, служитъ однакоже типическимъ выраженіемъ буддійскаго міросозерцанія, — по которому нигдѣ и ничего нѣтъ прочнаго, все движется и вертится въ безцѣльномъ круговоротѣ, въ безпрестанной смѣнѣ однахъ формъ другими.

Въ прошедшіе вѣка жилъ въ одномъ селеніи браминъ, у котораго родилось двѣнадцать сыновей. Сыновья всѣ выросли и всѣ женились; придѣлали къ своему дому много пристроекъ и всѣ жили вмѣстѣ. Ихъ мать отъ тяжелой болѣзни скончалась; отецъ между тѣмъ состарѣлся и ослѣпъ на оба глаза. Сыновья часто отлучались изъ дома; а молодыя жены, пользуясь ихъ отсутствіемъ и слѣпотою старика, заводили съ посторонними людьми непозволительныя связи. Но старикъ былъ весьма чутокъ: по шороху и походкѣ онъ умѣлъ отличить каждаго изъ своихъ сыновей и каждую изъ невѣстокъ; зналъ кто входитъ и кто выходитъ; могъ такъ же распознать и походку людей постороннихъ. Каждый разъ, когда замѣчалъ онъ, что невѣстки занимаютъ непозволительными дѣлами, тотчасъ весьма строго имъ выговаривалъ. За эту строгость молодыя жены возненавидѣли своего свекра. Они согласились между собою не давать ему хорошей пищи, а каждый день готовить для него самую худшую кашу съ кислой гущей. Старикъ едва уже ѣлъ и вкусныя блюда, а теперь, когда ему стали давать отвратительную, кислую кашу, онъ ничего не хотѣлъ брать въ ротъ. Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ сыновьямъ: „Ваши жены даютъ мнѣ самую отвратительную кашу и сверхъ того подливаютъ въ нее кислую гущу: какъ мнѣ можно такую пиццей поддерживать свою дряхлую жизнь?“

— Почему вы не даете отцу хорошей каши, спросили своихъ женъ сыновья, а подаете ему самую худшую, и притомъ съ кислую гущей?

— Виноваты ли мы, отвѣчали жены, что кончилось счастье нашего почтеннаго старца? Теперь уже и хорошее представляется ему дурнымъ, и вкусное отвратительнымъ: мы для него готовимъ самое лучшее бѣлое пшено, а ему представляется оно дурнымъ краснымъ просомъ; подаемъ ему самое лучшее молоко, а онъ его считаетъ кислую гущей.

— Возможно ли это? сказали мужья.

— Если вы намъ не вѣрите, отвѣчали жены, такъ посмотрите сами.

Жены долго между собою совѣтовались, какъ бы оправдать

этотъ слишкомъ смѣлый обманъ, и наконецъ выдумали средство. Одна изъ нихъ пошла къ горшечнику и сказала ему: „Умная голова! Не можешь ли ты сдѣлать мнѣ двухъ горшковъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ бы по одному отверстию и по двѣ внутренности, и чтобы въ каждой изъ этихъ внутренностей вмѣщалось до пяти пригоршней пшена?“ — „Сдѣлаю, отвѣчалъ горшечникъ, если заплатишь мнѣ вдвое противъ стоимости обыкновенныхъ горшковъ“. Она согласилась; горшки очень скоро были сдѣланы, и горшечникъ получилъ условленную плату. Жены взяли оба горшка и въ особомъ углу дома, тайно отъ мужьевъ своихъ, положили въ одну часть одного горшка самаго худшаго краснаго пшена, а въ одну часть другаго влили кислой гущи; потомъ поставили горшки въ то мѣсто, гдѣ стояла посуда. Когда наступило время готовить обѣдъ, онѣ, при своихъ мужьяхъ, положили въ одинъ изъ новыхъ горшковъ самаго лучшаго бѣлаго пшена, а въ другой налили самаго густаго свѣжаго молока. Обѣдъ поспѣлъ и онѣ спросили своихъ мужьевъ: „Человѣколюбивые! Вы ли сперва будете обѣдать, или напередъ подавать почтенному старцу?“ — „Сперва подавайте отцу“, тѣ отвѣчали имъ. Жены, при мужьяхъ своихъ, взяли два горшка: изъ одного наклали каши, а изъ другаго налили кислой гущи, и подали старику. Вслѣдъ за тѣмъ для мужьевъ своихъ изъ тѣхъ же горшковъ положили изъ одного каши, а изъ другаго молока. Мужья все это видѣли, и послѣ обѣда, который имъ весьма понравился, они сказали отцу: „Милосердый родитель! наши жены говорятъ правду, что твое счастье кончилось и тебѣ ничто уже не можетъ нравиться. Мы сами видѣли, какъ онѣ засыпали въ горшокъ самаго лучшаго пшена, а въ другой налили густаго, свѣжаго молока; видѣли, какъ все это сварилось, а потомъ съ большимъ удовольствіемъ пообѣдали: но тебѣ опять пшено представляется дурнымъ, а молоко — укусной гущей“.

Старикъ выслушалъ эти слова, но ничего не отвѣчалъ на нихъ, а только самъ про себя разсуждалъ такъ: „съ малолѣтства я никого не обманывалъ; законнымъ образомъ приобрѣлъ имѣніе, трудами скопилъ свое богатство: за чтожь теперь это наказаніе? Всѣ говорятъ, что мое счастье кончилось. Нѣтъ! Я увѣренъ, что моло-

для проказницы, для оправданія своего обмана, выдумали какое нибудь средство—выставить меня передъ своими мужьями лжецомъ и обманщикомъ“. Когда сыновья были въ отлучкѣ, а молодыя жены всѣ сидѣли въ особой комнатѣ, старикъ одинъ вошелъ въ кухню и сталъ ощупывать посуду. Ему подъ руку попался одинъ изъ новыхъ горшковъ; по его звуку и ощущью старикъ узналъ, что въ срединѣ его есть перегородка; потомъ онъ нашелъ другой такой же, и тотчасъ понялъ хитрость своихъ невѣстокъ. Онъ спряталъ горшки и когда сыновья возвратились домой, сказалъ имъ: „знайте, что не мое счастье кончилось, а посмотрите лучше на горшки: у другихъ горшковъ по одному отверстию и по одной внутренности, а для меня въ одномъ горшкѣ двѣ внутренности“.

Сыновья весьма разсердились на своихъ жонъ, прибили ихъ и сказали: „Если вы еще хоть разъ сдѣлаете непріятность нашему отцу, то мы ужь не такъ прибьемъ васъ и потомъ выгонимъ изъ дома“. Жоны такъ стали совѣтоваться между собою: „Этотъ старый браминъ чрезвычайно для насъ вреденъ: онъ можетъ заставить своихъ сыновей сдѣлать намъ большую бѣду: для своего спокойствія, мы непременно должны употребить рѣшительное средство; намъ надобно перерѣзать корень его жизни“. Мимо ихъ дома проходилъ фигляръ, представлявшій разные фокусы посредствомъ змѣй, которыхъ носилъ съ собою множество. Молодые жены зазвали его къ себѣ въ домъ, насмотрѣлись на его штуки и, провожая его изъ дома, спросили: Нѣтъ ли у тебя продажныхъ ядовитыхъ змѣй? Онъ отвѣчалъ имъ: „есть; какія вамъ нужны: тѣ ли, которыя немедленно причиняютъ смерть, или тѣ, которыхъ ядъ дѣйствуетъ нескоро?“— „Намъ нужны первыя“, сказали ему жоны. Фигляръ подумалъ: „онѣ требуютъ ядовитыхъ змѣй не безъ намѣренія: не даромъ онѣ такъ смотрятъ косо на стараго слѣпаго брамина, котораго я видѣлъ въ комнатѣ—навѣрно хотятъ его отравить“. „Но сколько вы мнѣ за нихъ заплатите?“ спросилъ фигляръ.— „Сколько потребуешь“, отвѣчали ему. Известно, что когда ядовитая змѣя разсердится, то весь ядъ ея сосредоточивается въ двухъ мѣстахъ: въ головѣ и хвостѣ. Фигляръ вынулъ изъ мѣшка одну весьма черную большую змѣю, ударилъ ее нѣсколько разъ палкою, убилъ,

отрубилъ у нея хвостъ и голову и отдалъ одно туловище. Получивъ змѣю, жены приготовили изъ ней похлебку и спросили своего тестя: „Высокопочтенный старецъ! Мы сей часъ приготовили для тебя мясную похлебку: не хочешь ли покушать?“ — „Гдѣ онѣ достали мяса, подумалъ старикъ, и откуда взялась у нихъ такая милость—приготовить для меня похлебку? Я догадываюсь, что онѣ изъ ненависти ко мнѣ и для того, чтобы лучше вольничать, хотятъ отравить меня. Но я отжилъ свой вѣкъ, я старъ и хворъ, сыновей своихъ пристроилъ: на что же мнѣ жить? хорошо, я поѣмъ похлебки“. Потомъ сказалъ невѣсткамъ: „Если есть готовая мясная похлебка, то я весьма бы желалъ подкрѣпить ею сколько-нибудь свои слабыя силы“. Лишь только старикъ съѣлъ похлебку, тотчасъ сошли съ его глазъ бѣльма, и онъ сталъ видѣть. Но притворился умирающимъ и сталъ кричать: „умираю, умираю!“ Невѣстки прибѣжали на его крикъ и, желая, чтобы жизнь старика скорѣе прекратилась, сказали ему: „не хочешь ли еще покушать похлебки? у насъ нѣсколько осталось“. — „Охъ, охъ, умираю, отвѣчала старикъ, но похлебка чудесная! мнѣ еще хочется. Охъ, охъ! если есть,—поскорѣе подайте. Умираю, умираю!“ Похлебка вдругъ была ему подана; онъ съѣлъ ее, и глаза его прояснились еще больше; онъ сталъ видѣть ими точно такъ, какъ видѣлъ въ молодости. Но сначала онъ нѣсколько времени притворялся слѣпымъ и высматривалъ, что вокругъ него дѣлается. Когда невѣстки, въ его присутствіи, стали потихоньку дѣлать разныя шалости, то онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, схватилъ палку и началъ ихъ бить, приговаривая: „вы впередъ не смѣйте дурачиться, будьте осторожны; я теперь все вижу!“ Невѣстки стыдились и досадовали, но съ того времени сдѣлались скромнѣе и, какъ огня, боялись своего тестя.

Бикчу! продолжалъ Будда, знайте, что древній браминъ былъ не другой кто, какъ Глухая Улица, а невѣстки брамина были женщины-бикчу. Женщины, желая въ древности отравить своего тестя, сдѣлали ему вмѣсто того величайшую пользу; а теперь, желая нанести стыдъ своему учителю, доставили ему необыкновенную славу.—Бикчу! не бойтесь злыхъ людей: ихъ козни часто служатъ только къ прославленію добродѣтели“.

Выслушавъ это сказаніе, бикчу желали знать, почему Глухая Улица родился столь тупоумнымъ, и спросили о томъ своего учителя. „Его глупость и тупоуміе, сказалъ Будда, суть не что иное, какъ воздаяніе за его прежнія дѣла, плоды прошедшей его жизни ¹⁾. Счастье и несчастье, мудрость и глупость, богатство и бѣдность, здоровье и болѣзни—всѣ это не извнѣ приходитъ къ людямъ, но въ нихъ самихъ раждается и въ нихъ созрѣваетъ, какъ плоды на деревьяхъ. Пройдутъ цѣлыя сотни вѣковъ, но сѣмя дѣль человеческихъ не ислѣветъ; оно пуститъ ростки и принесетъ плоды: это неизбежно! Слушайте“.

Въ одинъ изъ минувшихъ періодовъ міра ²⁾, когда жизнь людей продолжалась по двадцати тысячъ лѣтъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь государство Борнисы, жилъ Будда ³⁾ по имени Гябо. У

¹⁾ Здѣсь разумѣются перерожденія. Ученые не рѣшили еще вопроса, гдѣ первоначально образовалось ученіе о перерожденіяхъ (метемпсихизма)—въ Индіи, въ Египтѣ, или это вѣрованіе пришло на Востокъ съ Запада. Учеными считается нерѣшеннымъ такъ же и тотъ вопросъ—вначалѣ буддизма было ли уже усвоено Индѣйцами вѣрованіе въ перерожденія. Основывался на томъ, что въ индѣйскихъ Ведахъ не содержится этого ученія, нѣкоторые расположены относить проникновеніе его въ Индію къ позднѣйшему времени. Несомнѣннымъ считается то, что мысль о перерожденіяхъ родилась не въ буддизмѣ, но откуда именно буддизмъ заимствовалъ эту мысль—достовѣрно неизвѣстно (Религій Востока проф. Васильева, стр. 62 и дал.). Какъ бы то ни было, по крайней мѣрѣ, письменный буддизмъ уже считалъ вопросъ о перерожденіяхъ вполне рѣшеннымъ, и ученіе о перерожденіяхъ вошло въ кругъ существенныхъ и основныхъ буддѣйскихъ вѣрованій, какъ это видно и изъ предлагаемаго разсказа.

²⁾ Буддисты насчитываютъ множество — до 63-хъ періодовъ міра, предшествовавшихъ настоящимъ и называемыхъ у нихъ «калпами». Каждый калпа или періодъ міробытія раздѣляется на 4 частные періода, — эпоху разрушенія или уничтоженія, эпоху продолженія этого уничтоженія, затѣмъ періоды возстановленія и продолженія этого возстановленія или возобновленія. Каждый изъ этихъ періодовъ въ свою очередь подраздѣляется на 20 малыхъ калпъ или періодовъ. Каждое разрушеніе міра продолжается 100,000 лѣтъ. Выбѣтъ съ смѣною міровъ измѣнялся и вѣкъ жившихъ существъ, постепенно сокращаясь и достигая нынѣшняго краткаго предѣла. Сначала люди жили 80,000 лѣтъ, послѣ этого, періодъ жизни ихъ постоянно упалъ соразмѣрно увеличенію ихъ пороковъ. Періодъ, въ который жизнь человеческая достигала 20,000 лѣтъ, считается у буддистовъ уже очень отдаленнымъ отъ самыхъ первыхъ періодовъ. (См. «Буддѣйская космогонія» проф. Ковалевскаго, ср. Кэппена стр. 222 и дал.).

³⁾ Слово Будда—имя нарицательное и въ первоначальномъ своемъ значеніи значить «возбужденный или пробудившійся, просвѣщенный мудрецъ». Его производятъ отъ корня Budh—быть возбужденнымъ, знать, разумѣть (См. Кэп-

него было двадцать тысячъ учениковъ, изъ которыхъ мудрѣйшій, вполне знавшій всѣ три вмѣстилища тогдашняго ученія, былъ великій учитель религіи Глухая Улица, въ то время называвшійся иначе. Онъ имѣлъ весьма важный порокъ: чрезвычайно не любилъ открывать другимъ свои познанія, никого не наставлялъ въ религіи и ни одному человѣку не преподалъ даже и четырехъ словъ спасительнаго ученія. По смерти, хотя сперва и возродился въ области духовъ, но потомъ опять ниспалъ въ разрядъ людей и родился въ семействѣ, которое занималось вскармливаніемъ и убоемъ свиней. Когда онъ выросъ, то также сталъ заниматься промысломъ своихъ предковъ. Черезъ селеніе, въ которомъ онъ жилъ, протекала большая рѣка; за рѣкою не очень далеко находилось селеніе, въ которомъ, по случаю ярмарки, изъ разныхъ мѣстъ собралось множество народа. „Если я убью много свиней, подумалъ мясникъ, а на ярмаркѣ худо будутъ покупать ихъ, то мясо испортится и я потерплю большой убытокъ: не лучше ли мнѣ взять съ собою всѣхъ своихъ свиней живыми, и на ярмаркѣ, смотря потому, какова будетъ продажа, убивать по нѣскольку въ день,—а остальныхъ привезти обратно?“ Онъ перевязалъ свиней и положилъ въ лодку. Свиньи рвались и бились, лодка шаталась и на самой срединѣ рѣки опрокинулась; свиньи всѣ потонули и самъ мясникъ, сколько ни бился, не могъ добраться до берега. Онъ уже лишился чувствъ; но его долго еще несло внизъ по теченію быстрой рѣки. Къ его счастью, недалеко отъ берега, въ рошѣ жили пятьсотъ отшельниковъ, изъ которыхъ одинъ въ то самое время пришелъ почерпнуть воды, и увидѣвъ утопающаго, вытащилъ на берегъ, а самъ возвратился въ свое уединеніе. Пришедши въ чувство и собравшись съ силами, мясникъ сталъ осматривать мѣсто, въ

пень Die Relig. Bud. стр. 90). Въ періодъ развитія мистицизма въ Буддизмѣ, у буддистовъ явилось ученіе о множествѣ буддъ, предшествовавшихъ Буддѣ-Шакіямуні — основателю буддійской вѣры. Сперва стали учить, что Буддѣ-Шакіямуні предшествовали три будды, потомъ къ нимъ прибавили еще троихъ, далѣе назначали въ настоящемъ мірѣ 1,000 буддъ, наконецъ и другіе міры, существующіе одновременно съ нашими, снабжены своими буддами; однихъ именъ ихъ, по словамъ профессора Васильева, въ буддійской мѣологии можно найти десятокъ тысячъ (Буд. ч. 1 стр. 12 ср. «Религія Востока» 69).

которомъ находился; оно было ему совершенно незнакомо. Наконецъ, замѣтивъ свѣжіе человѣческіе слѣды, онъ отправился по нимъ и пришелъ въ роуцъ, въ жилище отшельниковъ. Лишившись свиней, а съ ними и всего имѣнія, и узнавъ, что одинъ изъ отшельниковъ спасъ ему жизнь, онъ не хотѣлъ возвращаться домой, а рѣшился жить въ этомъ уединеніи и прислуживать отшельникамъ. Они согласились принять его. Онъ ежедневно рвалъ для нихъ плоды, собиралъ цвѣты, отыскивалъ питательные корни и листья и приготовлялъ имъ пищу; а отшельники кормили его остатками отъ своего стола. Видя, что они непрерывно сидятъ, поджавъ ноги, въ глубокомыслии, мясникъ и самъ сталъ учиться сидѣнію и размышленію, и чрезъ нѣсколько времени, послѣ усиленныхъ, постоянныхъ трудовъ, приобрѣлъ способность доходить до высшей степени самади; а потому по смерти снова возродился въ области духовъ. Когда и въ этой области постигла его смерть, то онъ опять родился въ классѣ людей.

Мясникъ былъ не иной кто, какъ бикчу Глухая Улица. Такъ какъ онъ въ древности, зная лучше всѣхъ религію, не хотѣлъ никого научить ей, а потомъ въ другой своей жизни много умертвилъ животныхъ, то хотя сперва и жилъ нѣсколько времени въ области духовъ, но за прежнія свои дѣла опять родился въ классѣ людей и притомъ до крайности глупымъ и тупоумнымъ. — Бикчу! продолжалъ Будда этотъ примѣръ да научить васъ всѣми силами стараться о наставленіи ближнихъ и распространеніи ученія, которое я вамъ преподавалъ. Кто больше другихъ знаетъ, тотъ обязанъ и болѣе другихъ сострадать о незнающихъ и научать ихъ всему полезному. Малѣйшая лѣнь и нерадѣніе въ исполненіи сей обязанности влекутъ за собою строгое наказаніе.

Принявъ съ благоговѣніемъ наставленіе, бикчу снова спросили своего учителя: „Почитаемый міромъ! Почему бикчу Глухая Улица, учившись религіи весьма мало, собственными силами приобрѣлъ, и притомъ въ скоромъ времени, всѣ тѣ совершенства, которыя другимъ достаются не иначе, какъ съ величайшимъ трудомъ, послѣ долговременнаго ученія?“

— Знайте, отвѣчалъ Будда, что Глупая Улица не только теперь пріобрѣлъ, безъ всякаго ученія, всё совершенства святости, но и прежде, въ одинъ изъ періодовъ своей жизни, собственными трудами ничего не получивъ отъ предковъ, нажилъ огромное богатство и потомъ жилъ спокойно въ необыкновенномъ довольствѣ. Слушайте!

Назадъ тому двадцать тысячъ лѣтъ, въ одномъ многолюдномъ и богатомъ селеніи, жилъ почтенный и весьма достаточный браминъ. Онъ женился въ пожилыхъ лѣтахъ и чрезъ годъ родился у него прекрасный мальчишъ. Браминъ сказалъ своей женѣ: „Умная голова! теперь у насъ есть сынъ; въ послѣдствіи мы должны будемъ употреблять на свое содержаніе гораздо болѣе, чѣмъ употребляли доселѣ; здѣшняя торговля мало доставляетъ прибыли; я намѣренъ пуститься въ море для отысканія въ иностранныхъ земляхъ разныхъ драгоценностей: какъ ты объ этомъ думаешь?“ „Чтожь? твоя воля“, отвѣчала ему жена. — „Если я все свое имѣніе оставлю женѣ, подумалъ браминъ; то опасно, чтобъ она не предалась излишней роскоши и расточительности, а за тѣмъ и беспорядочной жизни“. — Онъ оставилъ въ распоряженіе жены весьма мало имущества, а всё дорогія вещи вручилъ на сохраненіе своему пріятелю, купцу, который жилъ въ томъ же селеніи. Браминъ сказалъ ему: „я отправлюсь въ дальнія страны, и не могу напередъ знать, когда возвращусь на родину: если жена моя будетъ имѣть недостатокъ въ содержаніи, то прошу тебя помогать ей“. Онъ разстался съ женою, склалъ въ корабль свои товары, на которые хотѣлъ вымѣнивать иноземныя драгоценности, и пустился въ море. На дорогѣ застигла его страшная буря; корабль разбился о подводные камни и браминъ погибъ съ своими товарами. Купецъ, его пріятель, не заботился ни объ немъ, ни объ его семействѣ.

Жена брамина, пользуясь пособіемъ своихъ родственниковъ, но болѣе собственными трудами пріобрѣтая содержаніе, воспитывала своего сына. Когда сынъ подросъ, то спросилъ свою мать: „какимъ промысломъ занимались мои предки?“

— Если я скажу ему, подумала мать, что его предки путешествовали по морямъ и занимались торговлею съ иностранцами, то

опасно, чтобъ и онъ не съѣлъ съ кѣмъ-нибудь на корабль и потомъ не погибъ въ морѣ: что тогда будетъ со мною?—Всѣ твои предки, отвѣчала мать, занимались въ этомъ селеніи торговлею.

— Дай мнѣ, милосердая мать, не много денегъ на покупку какихъ-либо вещей: я хочу учиться торговать.

— Откуда у меня взялись деньги? отвѣчала мать. И векормить тебя чего мнѣ стоило! Я этимъ обязана только пособію родственникововъ, да тому еще, что была въ состояніи трудиться. Но все, что ни приобрѣтала, я употребляла на наше содержаніе; у насъ ничего не оставалось, и я теперь ничего не могу тебѣ дать, мой почтительный сынъ!

— Какъ же мнѣ быть, милосердая мать! я сколько ни стараюсь, не смотря на твои увѣщанія, ѣсть какъ можно меньше, но каждый день замѣчаю, что съѣдаю больше тебя, и что ты все больше и больше трудишься; а я безпрестанно только о томъ и думаю, какъ бы избавить тебя отъ трудовъ и доставить тебѣ спокойствіе. Научи меня, милосердая мать, какъ поступить мнѣ: твой матерній совѣтъ будетъ для меня полезнѣе, чѣмъ деньги.

— Старинный пріятель твоего отца, подумавъ сказала мать, извѣстный тебѣ купецъ весьма богатъ. Пойди къ нему и попроси его пособія: можетъ быть онъ вспомнить старую дружбу и дать тебѣ сколько-нибудь денегъ.

Сынъ пошелъ къ купцу и остановился близъ его лавки. Въ это самое время у купца былъ должникъ, который пропустилъ три срока платежа процентовъ. Купецъ весьма на него сердился, но не зналъ, что бы сказать ему: вдругъ служанка, подметавшая лавку, пронесла мимо ихъ соръ съ нѣсколькими десятками мертвыхъ мышей. Купецъ сказалъ съ гнѣвомъ своему должнику: „сколько лѣтъ ты торгуешь, но знаешь ли, что если умный человекъ захочетъ разбогатѣть, то вмѣсто первоначальнаго капитала можетъ употребить вотъ этихъ мертвыхъ мышей, и черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ продавать золото“.

„Этотъ богатѣйшій и умный купецъ навѣрно говоритъ не пустяя слова“, подумалъ мальчикъ и пошелъ вслѣдъ за служанкою посмотрѣть, гдѣ она броситъ мышей. Служанка выбросила ихъ

на улицѣ въ канаву; мальчикъ подобралъ ихъ и отправился съ ними на рынокъ. Тамъ онъ увидѣлъ десятка два кошекъ, привязанныхъ къ столбу за шею, и сталъ имъ показывать своихъ мышей. Голодные кошки мяукали, прыгали и рвались къ нему. Это замѣтилъ хозяинъ кошекъ и сказалъ мальчику: „отдай своихъ мышей кошкамъ: на что тебѣ онѣ?“ — „Какъ не такъ, отвѣчалъ мальчикъ; не думаешь ли ты на пустыя слова вымѣнивать чужія вещи? заплати мнѣ за мышей, такъ я отдамъ ихъ кошкамъ“. Хозяинъ кошекъ далъ ему три пригоршни гороху. Мальчикъ сварилъ горохъ и подумалъ такъ: „Если я въ нѣсколько дней самъ съѣмъ этотъ горохъ, то лишусь своего капитала“. Онъ самъ съѣлъ гороху весьма мало, а остальной весь завернулъ въ платокъ и, взявъ съ собою ведро холодной воды, отправился за селеніе и остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно отдыхали дровосѣки, возвращаясь домой съ работы и неся съ собою по вязанкѣ дровъ. Въ вечеру они пришли въ это мѣсто и расположились отдыхать. Мальчикъ поднесъ имъ свой горохъ и холодную воду, сказавъ: „почтенные старшіе братья! теперь время жаркое и вы вѣрно чувствуете усталость: не хотите ли утолить нѣсколько свой голодъ и жажду?“ Продавцы дровъ были весьма рады его предложенію; выпили воду и съѣли горохъ. Они спросили мальчика: „куда ты, младшій братъ, идешь“?

— Я хочу собрать сколько-нибудь дровъ, отвѣчалъ мальчикъ, продать ихъ завтра и купить себѣ пицци.

— Да теперь уже поздно, сказали ему дровосѣки; мы съ самаго утра отправились изъ дому, работали и искали дровъ цѣлый день, и успѣли набрать только по одной вязанкѣ: если ты теперь пойдешь, то только устанешь, и едва ли посчастливится тебѣ найти хоть два или три полѣна.

Дровосѣки поблагодарили мальчика за горохъ и холодную воду и дали ему каждый по одному полѣну. У мальчика набралось столько дровъ, что онъ, связавъ ихъ, насилу могъ притащить домой. На другой день онъ продалъ дрова весьма выгодно, и на часть вырученныхъ имъ денегъ купилъ гороху; сварилъ его, почерпнулъ ведро холодной воды и отправился на прежнее мѣсто.

Дровосѣвки были ему весьма благодарны, дали ему каждый по одному полѣну дровъ и сказали: „младшій братъ! ты каждый день приходи сюда съ горохомъ и холодною водою; зачѣмъ тебѣ самому ходить за дровами? ты еще молодъ и малосиленъ; каждый изъ насъ будетъ приносить сюда по одному лишнему полѣну, чтобъ отблагодарить тебя за твое угощеніе“. Молодой человѣкъ былъ весьма доволенъ ихъ предложеніемъ, и въ короткое время, отъ продажи дровъ, получилъ не мало прибыли. Мѣсяца черезъ два онъ сказалъ дровосѣкамъ: „старшіе братья! вы каждый день продаете на рынкѣ свои дрова и отъ того теряете много времени, которое лучше бы для васъ было употребить на собираніе дровъ. Притомъ часто, желая поскорѣе отправиться за дровами, вы принуждены продавать ихъ слишкомъ дешево. А я каждый день только въ вечеру приношу сюда горохъ и воду, а до вечера не имѣю никакого дѣла. Не хотите ли поручать мнѣ свои дрова для продажи, и, по опредѣленной цѣнѣ, сваливать ихъ у меня въ домъ?“ Дровосѣвки охотно согласились на его предложеніе, и каждый день приносили къ нему свои дрова и получали условленную плату. Молодой человѣкъ продавалъ дрова съ большою для себя выгодой. Случалось, что дождливая погода продолжалась по семи дней и болѣе и отъ того цѣна на дрова необыкновенно возвышалась; тогда торгъ его былъ еще прибыльнѣе.

Черезъ нѣсколько времени молодой человѣкъ такъ сталъ разсуждать самъ съ собою: „хотя продажа дровъ для меня и выгодна, но есть другія отрасли торговли, которыя доставляютъ гораздо больше выгоды, и притомъ у всѣхъ гораздо въ большей чести, чѣмъ мой теперешній промыселъ“. Онъ накупилъ различныхъ мелочныхъ товаровъ, нанялъ маленькую лавку и началъ торговать ими: отъ этой торговли онъ разбогатѣлъ больше прежняго. Но такъ какъ мелочная торговля у купцовъ не въ большомъ уваженіи, то онъ сталъ торговать благовоніями, и также съ большимъ успѣхомъ. Потомъ завелъ лавку съ золотомъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ богатыхъ купцовъ на своей родинѣ. Всѣ купцы ему завидовали и прозвали продавцемъ мышинаго золота. Такъ какъ они считали его препятствіемъ для себя на дорогѣ къ обогащенію, то со-

гласились заставить его пуститься въ море для отысканія въ иностранныхъ земляхъ разныхъ драгоцѣнностей, будучи увѣрены, что онъ непременно погибнетъ въ морѣ. Они собрались близь лавки молодаго человѣка въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ слышать всѣ ихъ разговоры. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Господа! смотря на мірскія дѣла, легко можно видѣть, что если дѣти не наследуютъ званій и промысловъ своихъ родителей, то не только ихъ собственное благополучіе, но и благосостояніе всего общества болѣе и болѣе приходится отъ того въ упадокъ. Представьте себѣ человѣка, который, отправившись въ путешествіе, сперва поѣхалъ бы на слонѣ, потомъ верхомъ на лошади, послѣ, не желая ѣхать верхомъ, сѣлъ бы въ повозку, наконецъ пошелъ бы пѣшкомъ; его путешествіе совершалось бы со дня на день безуспѣшнѣе: точно также и въ дѣлахъ человѣческихъ, а особливо въ торговлѣ. Примѣръ отъ насъ не далеко: вотъ этотъ продавецъ мышинаго золота. Всѣ его предки плавали по морямъ, путешествовали по иностраннымъ землямъ, пріобрѣтали и привозили съ собою рѣдкія драгоцѣнности, обогащались сами, обогащали свою родину,—и были въ чести и славѣ; а ихъ потомокъ оставилъ промыселъ своихъ предковъ, и что же выигралъ? Открылъ небольшую лавочку съ золотомъ, платитъ пошлину мелкой монетою, для маловажной прибыли каждый день переноситъ необыкновенные труды и безпокойство: по справедливости онъ достоинъ сожалѣнія!“ Молодой человѣкъ, услышавъ эти слова, подошелъ къ купцамъ и спросилъ ихъ: „Господа! о чемъ вы сейчасъ разсуждали?“—Купцы повторили свое разсужденіе и многое еще прибавили къ нему. Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ имъ, но, возвратившись домой, спросилъ свою мать: „пускались ли мои предки въ моря за драгоцѣнными товарами, и правда ли, что они были въ нашей сторонѣ богатѣйшими купцами?“ Видя, что сынъ узналъ отъ кого-то о промыслѣ своихъ предковъ, мать не могла долѣе скрывать предъ нимъ истину, и все высказала. — „И я теперь хочу сѣсть на корабль, сказалъ сынъ, и отправиться въ чужія страны для пріобрѣтенія драгоцѣнныхъ товаровъ“. Мать сперва не позволяла ему пускаться въ море; но послѣ, когда онъ опять сталъ просить у ней позволенія, то она увидѣла, что ничѣмъ нельзя его отговорить, и рѣшилась отпустить его.

Получивъ позволеніе, молодой человекъ объявилъ всѣмъ купцамъ своего селенія и ближняго города такъ: „Господа! если кто изъ васъ хочетъ пуститься въ море для отысканія разныхъ драгоценностей, то пусть присоединится къ купцу, торгующему золотомъ, который найметъ корабль и не возьметъ со своихъ спутниковъ никакой платы. Онъ только желаетъ вмѣстѣ съ ними спокойно и счастливо отправиться и возвратиться на родину. Товары для иностранной мѣны постарайтесь заготовить къ такому-то времени“. Прочитавъ это объявленіе, пятьсотъ человекъ купцовъ заготовили товары и стали ожидать срока отправленія. Когда приблизился срокъ, молодой человекъ выбралъ для путешествія счастливый часъ и вмѣстѣ съ своими спутниками отправилъ товары къ морскому берегу. Телеги, вьючныя лошади и носильщики потянулись къ морю. Купцы, взглянувъ на море, почувствовали страхъ и не рѣшались входить на корабль. Молодой человекъ, опасаясь, чтобы всѣ купцы не возвратились домой, сказалъ кормчему: „скажи имъ всю правду на счетъ морскихъ драгоценностей, о которыхъ ты имѣешь понятіе“. Кормчій сказалъ купцамъ: „жители страны Цзамбутипа, слушайте! На этомъ морѣ множество неоцѣненныхъ товаровъ и драгоценныхъ вещей, которыя вы легко можете вымѣнять за ничтожныя произведенія своей страны. Тамъ есть жемчугъ, янтарь, превосходная яшма, разныхъ родовъ драгоценныя камни, кораллы, красивѣйшія раковины, и проч. и проч. Если вы рѣшитесь пуститься въ море и пріобрѣтете такія драгоценности, то послѣ всю свою жизнь будете проводить въ удовольствіи и чрезвычайномъ изобиліи, доставите покой и радость своимъ родителямъ и женамъ, обогатите дѣтей, облагодѣтельствуете родственниковъ и пріятелей, самимъ слугамъ вашимъ не для чего уже будетъ трудиться. Для васъ ничего не будетъ стоить всегда подавать милостыню ширвагамъ и браминамъ; а за это по смерти вы получите щедрое воздаяніе: въ чертогахъ духовъ будете наслаждаться всѣми удовольствіями. Кому все это нравится, тотъ пусть отброситъ страхъ и смѣло пускается въ море“. Но таковы мірскіе люди! Услышавъ о драгоценностяхъ, богатствѣ, удовольствіи и счастіи, всѣ купцы забыли свой страхъ и рѣшились взойти на корабль. Молодой чело-

вѣкъ, видя, что народу слишкомъ много, и опасаясь, чтобы корабль его не сдѣлался отъ тяжести слишкомъ медленнымъ на ходу, подумалъ такъ: „я самъ желалъ, чтобы купцы сѣли вмѣстѣ со мною на корабль, а теперь что мнѣ съ ними дѣлать?“ Онъ сказалъ кормчему: „теперь ты объясни имъ все опасности морскаго путешествія“. Кормчій, ничего не скрывая и не прибавляя, сказалъ купцамъ: „жители острова Цзамбутипа, слушайте! На этомъ великомъ морѣ множество опасностей. Въ немъ есть огромные киты, которые нерѣдко поглощаютъ цѣлые корабли, и часто высочайшими столбами извергаютъ изъ себя воду; тамъ есть неизмѣримыя пропасти, въ которыхъ вода кипитъ съ необыкновенною силою; могутъ встрѣтиться противныя теченія, которыя иногда на край земли заносятъ пловцовъ; тамъ есть морскія свиньи, которыя также весьма опасны для корабля и пассажировъ; случаются ужасныя бури, которыя рвутъ паруса, ломаютъ мачты и съ неотразимою силою бросаютъ и разбиваютъ корабли о скалы и подводные камни; тамъ нѣтъ мѣста для спасенія или бѣгства. Не рѣдко морскіе разбойники, съ черными знаменами, вдругъ нападаютъ на мореплывателей, разбиваютъ корабль, грабятъ и умерщвляютъ пассажировъ. Все сіи несчастія могутъ случиться и съ вами: и тогда прощайтесь съ жизнію; прощайтесь навсегда съ своими родителями, родственниками, дѣтьми и женами: вы ихъ никогда не увидите. Жители Цзамбутипа! Подумайте, на что рѣшаетесь!“ Между купцами больше было трусовъ, чѣмъ людей мужественныхъ; а потому большая ихъ часть рѣшилась не подвергать себя опасностямъ морскаго путешествія. На корабль осталось народу и грузу не больше и не меньше, какъ сколько было нужно.

Молодой купецъ далъ кормчему третье приказаніе, и немедленно былъ поднять якорь, попутный вѣтеръ зашумѣлъ въ парусахъ, и корабль полетѣлъ по волнамъ, какъ быстрое облако. Когда путешественники благополучно прибыли къ острову драгоценностей, то кормчій сказалъ имъ: „Господа купцы Цзамбутипа! теперь вы прибыли къ цѣли вашего путешествія; но знайте, что на этомъ островѣ множество поддѣльныхъ цвѣтныхъ камней, весьма похожихъ на настоящіа драгоценности: разсматривайте внимательнѣе; иначе, воз-

вратившись на родину, будете раскаяваться. Здѣсь есть рачжи въ видѣ аистовъ: они умѣютъ пѣть и говорить; увидѣвъ людей, тотчасъ употребляютъ разныя средства, чтобы приманить ихъ къ себѣ; сперва наговариваютъ имъ множество льстивымъ словъ, и потомъ заклевываютъ до смерти. Здѣсь много опьяняющихъ плодовъ, которыхъ если кто изъ васъ поѣстъ, то и въ семь дней не отрезвится. Наконецъ знайте, что на этомъ островѣ живутъ особаго рода существа, похожія на людей, но не люди; они въ продолженіе семи дней будутъ терпѣливо сносить ваше присутствіе, но если вы захотите остаться въ ихъ землѣ еще хоть на одинъ день, то они такой произведутъ вѣтеръ, что нашъ корабль тотъ-часъ разобьется и вы на всю жизнь должны будете здѣсь остаться. Господа! помните все это и будьте осторожны!“ Купцы воспользовались совѣтомъ своего кормчаго и собирали драгоцѣнности на островѣ какъ горохъ или просо, складывали свои пріобрѣтенія на корабль и, дождавшись попутнаго вѣтра, счастливо пристали къ родному берегу Цзамбутипа.

Впослѣдствіи нашъ молодой купецъ благополучно совершилъ семь подобныхъ путешествій. Наконецъ мать сказала ему: „Почтительный сынъ мой! не подвергай болѣе опасностямъ своей жизни; женись и живи спокойно дома“.

— Я сперва долженъ уплатить долгъ, сказалъ ей сынъ, а послѣ постараюсь исполнить твое матернее приказаніе.

— О какомъ долгѣ говоришь ты? спросила его мать. Ни дѣдъ, ни отецъ твой никому не были должны; да и самъ ты, какъ я знаю, ни у кого не занималъ денегъ.

— Объ этомъ долгѣ одинъ только я знаю, отвѣчалъ ей сынъ; и заказалъ изъ четырехъ драгоцѣнностей сдѣлать четыре мыши; потомъ насыпалъ полное серебряное блюдо золотыхъ зеренъ, помѣстилъ на зернахъ драгоцѣнныхъ мышей и, взявши все это съ собою, отправился въ домъ купца, который былъ пріятелемъ его отцу.

Въ то самое время, когда молодой человѣкъ пришелъ въ домъ купца, хозяинъ дома съ своими гостями разсуждалъ объ немъ и говорилъ такъ: „Почтенные мои гости! знаете ли вы, какъ счастливъ этотъ молодой человѣкъ, котораго всѣ обыкновенно называютъ продавцемъ мышинаго золота: онъ возьметъ въ руку разби-

тый горшокъ, и вмѣсто горшка непременно очутится у него въ рукѣ кусокъ золота“! Лишь только произнесъ онъ эти слова, вдругъ вошелъ привратникъ и сказалъ ему: „Сейчасъ пришелъ продавецъ мышинаго золота и хочетъ съ тобою видѣться“.

— „Поскорѣе проси его“, сказалъ хозяинъ; „не должно заставлять его дожидаться“. Молодой человѣкъ вошелъ и, поднося хозяину свои драгоценныя вещи, сказалъ: „эти мыши суть капиталъ, которымъ ты нѣкогда ссудилъ меня, а все остальное прошу принять вмѣсто процентов“.

— Я не помню, сказалъ хозяинъ, чтобы когда-нибудь ссудилъ тебя вещами или деньгами, и не понимаю, какой ты возвращаешь мнѣ капиталъ и какіе уплачиваешь проценты?

— Такъ я приведу тебѣ это на память, отвѣчалъ молодой человѣкъ и, рассказалъ ему, какъ началъ свою торговлю мертвыми мышами, выброшенными изъ его лавки.

— Чей ты сынъ? спросилъ его купецъ.

— Я сынъ такого-то брамина, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— О! такъ ты сынъ моего стариннаго друга, сказалъ купецъ. Не ты мнѣ долженъ подносить за такой пустой случай столь драгоценныя вещи, а я долженъ отдать тебѣ многое. Твой отецъ, отправляясь въ путешествіе, оставилъ у меня много дорогихъ вещей, которыхъ я до сихъ поръ не возвратилъ тебѣ, но намѣренъ отдать теперь же.

Купецъ не только возвратилъ молодому человѣку отцовское имѣніе, но еще отдалъ за него замужъ свою старшую дочь, необыкновенную красавицу, съ богатѣйшимъ приданымъ.

„Бикчу! продолжалъ Будда, знайте, что этотъ купецъ былъ не иной кто, какъ я самъ; а молодой продавецъ мышинаго золота былъ бикчу Глупая Улица. Въ древности, нѣсколько моихъ словъ и нѣсколько мертвыхъ мышей доставили молодому человѣку несмѣтное богатство; а теперь четыре слова, которыя сказалъ я Глупой Улицѣ и его собственное усиліе были причиною тѣхъ необыкновенныхъ совершенствъ, которыми онъ обладаетъ. Разсуждайте и научайтесь!

Въ столицѣ царства Магада ¹⁾ жилъ великій князь врачей, по имени Шифугя. Узнавъ, что Почитаемый міромъ Будда принялъ въ свое общество чрезвычайно глупаго и до крайности тупоумнаго старика Шагяду или Глупую Улицу, онъ, подумавъ самъ съ собою, рѣшился вотъ на что: „если Почитаемый міромъ придетъ въ нашъ городъ, то я непременно буду просить къ себѣ какъ его самого, такъ и всѣхъ его учениковъ, но только за исключеніемъ бикчу Глупой Улицы“.

Въ это время Почитаемый міромъ, переходя изъ одного мѣста въ другое для наставленія и спасенія всѣхъ тварей, мало-по-малу дошелъ наконецъ изъ Ширвазды до столицы Магада, и остановился въ бамбуковой рошѣ геланьдога. Князь врачей, лишь только узналъ о его прибытіи, тотчасъ отправился въ эту рощу, поклонился Буддѣ въ ноги и сѣлъ въ сторонѣ. Будда сказалъ ему нужнѣйшія правила и объяснилъ пользу своего ученія. Выслушавъ наставленія, Шифугя всталъ съ своего мѣста, опустил рукава, правымъ плечомъ и правымъ колѣномъ коснулся земли и въ знакъ почтенія сложилъ руки; потомъ сказалъ Буддѣ: „Почитаемый міромъ! Я одного только желаю, чтобы Почитаемый міромъ, выѣтъ съ обществомъ своихъ бикчу, завтра посѣтилъ мое жилище и принялъ отъ меня малое приношеніе пищи“. Будда, молча, сдѣлалъ знакъ согласія на его просьбу.

Видя величественную важность Будды, Шифугя не осмѣлился сказать ему лично, что не хочетъ принять у себя Глупой Улицы; а потому откланялся и, подошедши къ Анандѣ, сказалъ ему: „великодобродѣтельный! я просилъ Будду и все общество бикчу принять отъ меня завтрашній день малое угощеніе; но, смотря на величественный видъ Будды, не осмѣлился сказать ему самому, что исключая Глупую Улицу изъ своего приглашенія“. Ананда сказалъ ему на это: „да будетъ по волѣ князя; да умножится твое благополучіе!“ Князь поклонился ему въ ноги и отправился. Потомъ Ананда пошелъ къ бикчу Глупой Улицѣ и сказалъ ему: „старикъ

¹⁾ Магада и другія мѣста, входяція въ исторію Будды, учеными изслѣдователями отыскиваются частію въ Индіи, частію въ сопредѣльныхъ съ нею странахъ.

человѣколюбивый! да будетъ тебѣ извѣстно, что князь Шифугя просить завтра къ себѣ Будду и все общество бикчу, но не приглашаетъ только тебя одного“. Выслушавъ эти слова, Глупая Улица отвѣчалъ Анандѣ: „да будетъ по волѣ князя; да умножится его благополучіе“!

Князь въ ту же ночь приготовилъ всѣхъ родовъ прекраснѣйшія кушанья и напитки, рано поутру разставилъ ихъ въ порядкѣ, помѣстилъ близъ нихъ сосудъ съ водою и послалъ человѣка сказать Буддѣ: „Будда! пища готова: да будетъ тебѣ извѣстно“! Будда въ первую часть дня надѣлъ платье, взялъ чашку и въ сообществѣ всѣхъ своихъ бикчу, за исключеніемъ только Глухой Улицы, отправился въ домъ князя. По прибытіи въ домъ, онъ посмотрѣлъ въ приготовленную воду и, увидѣвъ, что въ ней нѣтъ никакихъ насѣкомыхъ, умылъ свои ноги и сѣлъ на приготовленномъ для него мѣстѣ. Потомъ сказалъ Анандѣ: „оставь мѣсто для Глухой Улицы“, и Ананда оставилъ для него мѣсто.

Князь, взявъ въ руки золотой сосудъ съ чистою водою, хотѣлъ подносить его гостямъ своимъ, начиная съ Будды; но Будда не принялъ сосуда. Князь спросилъ его: „Почитаемый міромъ! почему не принимаешь воды?“

— Потому что общество бикчу не все собралось, отвѣчалъ ему Будда.

— Кто же не пришолъ еще? снова спросилъ его князь.

— Бикчу Глупая Улица, кажется, еще не здѣсь.

— Да я и не просилъ его, сказалъ князь.

— Вѣдь ты, князь, прося къ себѣ Будду, какъ главу общества, просилъ вмѣстѣ съ нимъ всѣхъ его бикчу?

— Точно такъ, Почитаемый міромъ! я просилъ всѣхъ.

— Неужели ты думаешь, что Глупая Улица не принадлежитъ къ моему обществу?

— Нѣтъ, Почитаемый міромъ, я знаю, что онъ принадлежитъ къ твоему обществу.

— Если такъ, то должно позвать его, сказалъ Будда.

Шифугя такъ подумала самъ съ собою: „хорошо; изъ уваженія къ Буддѣ я велю позвать Глухую Улицу; но не могу съ почтеніемъ

подносить ему пищи“. Потомъ сказалъ слугѣ: „ступай въ бамбуковую рощу и позови старика Глупую Улицу“.—Находясь въ это время въ рощѣ, Глупая Улица видѣлъ всѣ мысли князя, а потому превратился въ тысячу двѣсти пятьдесятъ бикчу, изъ которыхъ ни одинъ по виду ничѣмъ отъ него не отличался. Слуга, вступивъ въ рощу, закричалъ: „почтенный Шагяда, почтенный Шагяда“! и всѣ 1250 бикчу отозвались на его зовъ. Не зная, кто изъ нихъ настоящій бикчу Глупая Улица, слуга возвратился домой и сказалъ князю: „роща наполнена множествомъ бикчу—совершенно похожихъ другъ на друга: я совершенно не знаю, который изъ нихъ настоящій бикчу Глупая Улица“. Будда сказалъ слугѣ: ступай въ рощу и закричи такъ: „настоящій Шагяда пусть выйдетъ“! Слуга исполнилъ приказаніе, и Глупая Улица чудесною силою вдругъ явился въ собраніи и занялъ оставленное для него мѣсто. Видя, что онъ явился, Шафугя началъ по порядку подносить пищу Буддѣ и всѣмъ бикчу; наконецъ подаль и Глупой Улицѣ, но не съ должнымъ почтеніемъ, безъ вѣры и благоговѣнія.

Будда такъ разсуждалъ самъ съ собой: „вотъ мой ученикъ! его добродѣтели весьма высоки, а между тѣмъ этотъ Шифугя, соблазняясь его глупостію и тупоуміемъ, не оказываетъ ему должнаго уваженія и чрезъ это наноситъ себѣ величайшій вредъ: сейчасъ же я обнаружу необыкновенныя совершенства моего бикчу“. Когда Почитаемый міромъ пересталъ употреблять пищу, то Ананда, по обыкновенію, хотѣлъ взять его чашку, но Будда не позволилъ ему этого сдѣлать. Обычай былъ у учениковъ Будды не брать со стола своихъ чашекъ до тѣхъ поръ, пока стояла на немъ чашка ихъ учителя. Глупая Улица, зная почему бикчу не берутъ со стола своихъ чашекъ, и видя, что Будда хочетъ обнаружить его совершенства, чудеснымъ образомъ протянулъ руку съ дальняго своего мѣста, какъ царь слоновъ протягиваетъ свой хоботъ; досталь ею до сѣдалища Будды и взялъ его чашку. Князь, стоя съ боку Будды, увидѣлъ руку и, удивляясь этому необыкновенному явленію, пошелъ въ слѣдъ за чашкой, желая посмотрѣть, чья это рука. Лишь только узналъ онъ, кто сдѣлалъ это чудо, тотчасъ почувствовалъ чрезвычайное раскаяніе и отъ необыкновеннаго внутренняго смущенія упалъ

на землю. Его домашніе окропили ему лице водою, и онъ пришелъ въ чувство, потомъ приблизился къ бикчу Глухой Улицѣ, паль предъ нимъ ниць, обхватилъ его ноги и просилъ у него прощенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ (гята):

„Какъ дерево чэнь-тань всегда подъ собой сохраняетъ прохладу, какъ чанъ-боло-цвѣтъ всегда благовоненъ, какъ сосудъ золотой блеститъ постоянно, какъ кристалль дорогой всегда чистъ и прозраченъ: такъ святой человекъ постоянно хранить въ себѣ благодать; а тоска и печаль не могутъ оставить виновныхъ,—какъ на камняхъ цвѣтныхъ цвѣты никогда не линяютъ. Прошу и молю, подай мнѣ прощенье“!

Юйлу (Глухая Улица) отвѣчалъ на это князю: „я постоянно стараюсь хранить въ своемъ сердцѣ кротость: какъ же могу на тебя сердиться“?—Князь подошелъ къ Буддѣ, поклонился ему въ ноги, съ почтеніемъ простился съ нимъ и отступилъ.

Всѣ бикчу возвратились въ свое жилище въ большомъ недоумѣніи; они сказали Буддѣ: „Великодобродѣтельный! Почему князь Шифуга сперва не имѣлъ къ Юйлу никакого уваженія, а потомъ, узнавъ его совершенства, вдругъ раскаялся, сталъ кланяться ему въ ноги и просить у него прощенія“? Будда сказалъ на это своимъ бикчу: не думайте, что это случилось только сегодня—тоже самое уже происходило и въ прежнія времена. Слушайте!

Въ одномъ изъ прошедшихъ вѣковъ въ государствѣ Борнисы жилъ великій царь, по имени Фаньмодадо. Съ сѣвера отъ этого государства одинъ купецъ, торговавшій лошадьми, гналъ пятьсотъ лошадей въ это царство. У купца была необыкновенная кобылица; на дорогѣ она обрюхатѣла, и весь табунъ лошадей тотчасъ пересталъ ржать. Видя это, купецъ такъ рассуждалъ самъ съ собою: „вотъ всѣ мои лошади не ржутъ и не скачутъ уже нѣсколько дней: неужели онѣ больны“? Лишь только кобылица родила жеребенка, тотчасъ всѣ пятьсотъ лошадей повѣсили уши и не смѣли даже фырканьемъ произвести какого-нибудь шума. Примѣтивъ это, купецъ сказалъ: „зачѣмъ эта несчастная тварь родилась въ моемъ табунѣ: отъ ней всѣ мои лошади терпятъ бѣду“! Онъ каждый день сталъ сѣдлатъ для себя кобылицу, и не давалъ уже ей никакого

хорошаго корма. Направляя свой путь прямо на югъ, онъ наконецъ прибылъ на границы государства Борнисы въ селеніе по названію Гунши. Въ этомъ мѣстѣ застигли его лѣтніе дожди. Чтобы не испортить своихъ лошадей трудной дорогой и отъ того не понести убытка, онъ рѣшился остановиться здѣсь на нѣсколько времени. Всѣ жители ближайшихъ мѣстъ подносили ему въ подарокъ свои издѣлія. Когда кончилось лѣто и купецъ съ своими лошадьми хотѣлъ отправляться, то деревенскіе жители пришли проститься съ нимъ и проводить его. Купецъ отблагодарилъ своихъ знакомыхъ, смотря по цѣнѣ вещей, которыя получилъ отъ нихъ прежде. Одинъ горшечникъ изъ этой деревни также являлся къ нему вдругъ послѣ его прибытія и поднесъ кое-какую посуду своей работы. Жена этого горшечника, узнавъ, что купецъ отправляется, сказала своему мужу: „Господинъ! ступай къ проѣзжему купцу; можетъ быть онъ вспомнитъ тебя и отблагодаритъ какою-нибудь вещицей“. Горшечникъ согласился на совѣтъ своей жены: тотчасъ взялъ кусокъ глины, сдѣлалъ изъ него печать счастья и отправился къ купцу. Купецъ увидѣлъ его, принялъ отъ него подарокъ и сказалъ ему: „человѣкъ! ты пришелъ весьма поздно. Все мое имѣніе уже отправлено. Чѣмъ бы мнѣ отблагодарить тебя и оставить по себѣ память?“ Не любя жеребенка и все еще думая, что онъ зловѣщъ для его табуна, онъ сказалъ горшечнику: „теперь у меня только и есть этотъ маленький жеребенокъ: если хочешь, такъ возьми его“. Горшечникъ сказалъ ему на это: „я занимаюсь дѣланіемъ всякаго рода посуды; если возьму этого жеребенка, то онъ у меня перебьетъ ее всю: мнѣ онъ не нуженъ!“ Жеребенокъ, услышавъ эти слова, подошелъ къ горшечнику, сталъ предъ нимъ на колѣна и началъ лизать его ноги. Горшечникъ весьма полюбилъ за это жеребенка, взялъ его у купца и повелъ въ свое жилище.

Лишь только увидѣла мужа, горшечница тотчасъ спросила его: „ходилъ ли ты къ купцу; видѣлъ ли его; какую вещь отъ него получилъ“? Мужъ отвѣчалъ: „получилъ вотъ этого жеребенка“.

— Ахъ, какая досада! сказала ему жена; да эта тварь перепортитъ у насъ всю посуду: онъ будетъ слоняться по двору и все перебьетъ.—Слыша эти слова, жеребенокъ тотчасъ подошелъ къ

женѣ горшечника и началъ лизать ея ноги, чѣмъ тотчасъ пріобрѣлъ ея ласку.

Жеребенокъ весьма скоро со всѣми ознакомился въ домѣ своего хозяина; началъ ходить промежъ глиняной посуды, но такъ искусно изворачивался, что не притрогивался ни къ одному горшку. Жена сказала мужу: „Нашъ жеребенокъ чудесный! онъ свободно ходитъ по двору, и до сихъ поръ не разбилъ ни одного горшечка“. Спустя нѣсколько времени горшечникъ отправился довольно далеко отъ своего жилища за глиной. Лошадка пошла за нимъ въ слѣдъ. Горшечникъ наклавъ полонъ мѣшокъ глины, а жеребенокъ подошелъ къ нему и подогнулъ снину. Хозяинъ положилъ на него глину, и лошадка отправилась домой. Потомъ сказалъ онъ женѣ: „у насъ превосходная лошадка! Она трудится вмѣсто меня. Въ полѣ я положилъ ей на спину мѣшокъ глины, и вотъ она принесла ее домой: ты каждый день давай ей мякины изъ сарацинскаго пшена вмѣстѣ съ коноплянными выжимками и накамливай ее до-сыта“.

Въ это время у царя Фаньмодадо умерла умная лошадь. Лишь только узнали объ этомъ короли сосѣдственныхъ государствъ, тотчасъ послали къ нему вѣстниковъ сказать, „чтобы онъ представилъ въ ихъ государства дань. Если же не представитъ, то чтобы не выходилъ изъ своей столицы; въ противномъ случаѣ его схватятъ, свяжутъ и отведутъ въ плѣнъ“. Царь хотя и не послалъ имъ никакой дани, но весьма не хотѣлъ безвыходно сидѣть въ столицѣ. Между тѣмъ купецъ, торговавшій лошадьми, прибылъ въ государство Борнисъ. Царь, услышавъ объ этомъ, сказалъ своимъ вельможамъ: „сколько я ни одерживалъ побѣдъ, всѣми обязанъ своему умному коню; теперь онъ умеръ, и вотъ всѣ сосѣдственные князья и цари стали презирать меня. Я намѣренъ нѣсколько времени безвыходно жить въ столицѣ, а вы между тѣмъ должны найти для меня умную лошадь“. Выслушавъ приказаніе вельможи, вмѣстѣ съ человекомъ, умѣющимъ выбирать лошадей, отправились къ новоприбывшему купцу. Разматривая порознь каждую изъ пятидесяти лошадей, они увидѣли что всѣ онѣ рождены отъ умныхъ коней, но не нашли между ними такой, какой искали. Бывшій съ ними человекъ, знавшій толкъ въ лошадяхъ, увидѣвъ кобылицу, о которой

я говорилъ, тотчасъ догадался, что она недавно принесла умнаго жеребенка, и сказалъ объ этомъ вельможамъ. Они спросили купца: „не продалъ ли ты или не подарилъ ли кому какой-нибудь лошади изъ своего табуна?“ „Я не продавалъ ни одной лошади, отвѣчалъ купецъ, но былъ у меня одинъ жеребенокъ, котораго я подарилъ горшечнику въ селеніи Гунши“. Знатокъ въ лошадяхъ сказалъ вельможамъ: „Господа! знайте, что это и есть умная лошадь. Купецъ, по глупости, не умѣлъ отличить ее отъ обыкновенныхъ лошадей; онъ бросилъ на дорогѣ сливки, а принесъ сюда сыворотку“. Доложивъ объ этомъ царю, вельможи вмѣстѣ съ знатокомъ въ лошадяхъ отправились въ селеніе Гунши, отыскиали тамъ горшечника и спросили его: „почтенный! какое употребленіе ты дѣлаешь изъ этого жеребенка?“

— Онъ возить для меня глину, отвѣчалъ горшечникъ.

— Не хочешь ли—мы дадимъ тебѣ за него осла? сказалъ знатокъ въ лошадяхъ.

— Не хочу, отвѣчалъ горшечникъ.

— На четыре быка вмѣстѣ съ телегою согласенъ ли промѣнять его? спросилъ одинъ изъ вельможей.

Горшечникъ отвѣчалъ: „я очень люблю этого жеребенка, а въ телегѣ и быкахъ не имѣю никакой нужды“.

— Ты хорошенько подумай; мы завтра опять придемъ, сказали вельможи и расстались съ горшечникомъ.

Жеребенокъ хотя былъ и скотъ, но понятливостію превосходилъ многихъ людей; а иногда могъ даже говорить человѣческимъ языкомъ. Когда ушли вельможи, то онъ спросилъ горшечника: „за чѣмъ приходили къ тебѣ эти люди“?

— За тобою, отвѣчалъ онъ.

— Если за мной, сказалъ жеребенокъ, то почему ты имъ не отдалъ меня? Не думай, что я цѣлый свой вѣкъ буду носить тебѣ глину и ѣсть у тебя мякину изъ сарацынскаго пшена съ конопляными выжимками. Нѣтъ! я долженъ носить на себѣ великаго царя въ драгоценной коронѣ, меня покроютъ драгоценнымъ чапракомъ со множествомъ золотыхъ цвѣтовъ, я буду ѣсть изъ золотыхъ чашекъ чистое сарацынское пшено, смѣшанное съ медомъ. Если завтра

эти люди опять придутъ и будутъ спрашивать о жеребенкѣ, то ты, почтеннѣйшій, скажи имъ такъ: „Господа! зачѣмъ вы говорите пустныя слова? ужели вы хотите меня обмануть? ужели вы не видите, что это не простой жеребенокъ, а умный конь? Если вы хотите его у меня кунить, то дайте мнѣ сто тысячъ унцій золота“. Или требуй, чтобы они наклали въ мѣшокъ столько золота, сколько я могу тащить одною правою ногой: все это золото я притащу къ тебѣ“.

На другой день вельможи опять пришли къ горшечнику и спросили его: „человѣкъ! думалъ ли ты объ нашемъ предложеніи или нѣтъ?“

— Думалъ, отвѣчалъ имъ мужикъ-горшечникъ.

— Чтожъ? отдашь ли ты своего жеребенка, или нѣтъ? — Тутъ горшечникъ высказалъ все, чему научила его лошадь. Выслушавъ его слова, знатокъ въ лошадяхъ подумалъ самъ съ собою: „этотъ горшечникъ весьма глупъ и ничего не смыслить: какъ онъ можетъ знать, какая у него лошадь,—простая или умная. Вѣроятно, сама лошадь, желая отблагодарить его за благодѣянія, научила его ночью“.

— Что говорить о томъ, умная или глупая твоя лошадь,—сказали вельможи: мы хотимъ только знать, согласенъ ли ты ее продать, и сколько за нее хочешь—вотъ и все тутъ.

— Если дадите мнѣ сто тысячъ унцій золота, отвѣчалъ горшечникъ, то можете ее взять. Еслижъ не согласны на это, то наложите въ мѣшокъ столько золота, сколько лошадь моя можетъ тащить одною правою ногой: пусть она притащитъ ко мнѣ это золото, и я буду доволенъ.

Вельможи, посовѣтовавшись между собою, рѣшились вотъ на что: „Нѣтъ; эта лошадь весьма сильна: она можетъ потащить одною ногой гораздо больше, чѣмъ сколько требуетъ отъ насъ горшечникъ. Лучше заплатить сто тысячъ золота“. Потомъ отправили они посла къ царю съ такимъ докладомъ: „Великій царь! мы наконецъ нашли для тебя умную лошадь, но за нее хотятъ сто тысячъ унцій золота“. Царь сказалъ послу: „я согласенъ заплатить за лошадь, сколько бы за нее ни требовали“. Потомъ отдалъ ему золото и приказалъ поскорѣе привести лошадь. Ее привели въ столицу и поставили въ царской конюшнѣ на самомъ первомъ мѣстѣ. Положили передъ нею

сарацинскаго пше́на съ пше́ницею и съ самы́мъ лучши́мъ сѣномъ, но она́ ниче́го не ѣла. Царь, безпокоя́сь объ́ этомъ, самъ поше́лъ въ коню́шню посмотре́ть, почему́ она́ не ѣсть. Онъ спроси́лъ коню́шаго: „не больна́ ли она́?“ — Нѣтъ, госуда́рь! она́ ничѣ́мъ не больна́, отве́чала коню́шій; но позво́ль мнѣ́ спроси́ть ее, почему́ она́ не ѣсть, и спроси́лъ въ слѣ́дующихъ слова́хъ:

„Ты припомни́ житье́ въ до́мѣ́ горше́чника: ни воды́, ни соломы́ тамъ́ въ волю́ тебѣ́ не давали; ты была́ чуде́сно худо́, то́лько кости́ да кожа́ у тебѣ́ остава́лись; всякой́ бу́рьянь ты тамъ́ съ голоду́ ѣла; де́нь и но́чь на себѣ́ все таскали́ тамъ́ глину́; а те́перь у ца́ря ты первѣ́йшимъ коне́мъ: отъ́ чего́ же тоскуе́шь, почему́ ниче́го ты не ѣшь?“

Слу́шая эти́ слова́, у́мная ло́шадь не мо́гла сно́сить до́сады и гнѣ́ва; она́ отве́чала такъ́:

„Я но́гами бы́стра, го́ловой у́мна, посмотре́ на мене́, не найде́шь ты во мнѣ́ ника́кого поро́ка; но изве́стны тебѣ́ все́ мои со́вершенство́, почему́ же ты мене́ презира́ешь? почему́ не почи́шь мене́ такъ́, какъ́ ве́леть тебѣ́ дре́вній обы́чай? Луч́ше сти́сну я зу́бы, умру́ отъ́ тоски́, а презрѣ́нья сно́сить несо́гласна; у невѣ́жь я была́, не жела́ла себѣ́ отъ́ нихъ́ че́сти; но знато́къ презира́я мене́—у́биваетъ“.

Выслу́шавъ эти́ слова́, коню́шій сказа́лъ ца́рю: „Госуда́рь! Надо́бно испо́лнить дре́вній обы́чай и почи́ть твою́ у́мную ло́шадь“.

— Ка́кой же́ это обы́чай? спроси́лъ госуда́рь.

— Въ ста́рину, отве́чала коню́шій, оказы́вали бо́льшую че́сть у́мнымъ ло́шадямъ. До́лжно вы́вести ца́рскую ло́шадь на три пере́ѣзда отъ́ сто́лицы, выровни́ть всю́ доро́гу и разста́вить по не́й зна́мена; ты самъ́ госуда́рь, въ со́провождені́и сво́его войска́ изво́лишь вы́ѣхать на встре́чу къ сво́ему коню́; мѣ́сто, на кото́ромъ онъ бу́дет сто́ять, прика́жи оби́ть ли́стами изъ́ красной мѣ́ди; ста́ршій ца́ревичъ до́лженъ сво́ими ру́ками по́крыть коня́ драгоце́ннымъ ча́пракомъ съ ты́сячью зо́лотыхъ цвѣ́товъ; ста́ршая ца́ревна до́лжна сма́хивать съ него́ драгоце́ннымъ опа́халомъ ко́маровъ и му́хъ, а ца́рица са́ма до́лжна подне́сти ему́ въ зо́лотомъ́ со́судѣ́ кашу́ изъ́ сара́цинскаго пше́на съ ме́домъ.

— Да́ такая́ че́сть при́лична́ од́ному ца́рю, сказа́лъ госуда́рь.

— Но не думай, государь, что ее должно оказывать коню постоянно, возразил конюшій: довольно для этого семи дней.

— Должно исполнять обычаи, введенные мудрыми предками, сказалъ царь. Потомъ приказалъ обить все стойло своей лошади мѣдными листами; самъ со всею пышностію встрѣтилъ ее внѣ століцы; царевичъ положилъ на нее дорогой чапракъ, царевна обмахивала ее драгоцѣннымъ опахаломъ, царица на золотомъ блюдѣ подносила кормъ, а первый вельможа подавалъ воду. Умная лошадь, видя, какую оказываютъ ей честь, перестала тосковать и начала ѣсть кормъ. Тогда сказалъ ей конюшій:

„Вотъ какъ наградилъ тебя царь нашъ! всякую честь, какой ты желала, тебѣ оказали. Смотри же! усердно всю жизнь ты служи своему государю“.

Лошадь отвѣчала на это конюшему: „Господинь! я всѣми силами постараюсь исполнять твой совѣтъ; ни государь, ни ты никогда не замѣтите во мнѣ никакой лѣности“.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой церемоніи, государь Фанмодадо вздумалъ съѣздить въ свой загородный дворецъ. Конюшій надѣлъ на коня драгоцѣннѣйшую збрую, и конь самъ подошелъ къ царю и сталъ передъ нимъ на колѣни. „Отъ чего это конь сталъ на колѣни—не боленъ ли онъ?“ спросилъ царь своего конюшаго.

— Нѣтъ, государь, онъ не боленъ, отвѣчалъ конюшій; а на колѣни сталъ для того, чтобы тебѣ, государь, удобнѣе было на него сѣсть.

Царь подѣхалъ на своемъ конѣ къ берегу одной рѣчки, и хотѣлъ-было переѣхать ее въ бродъ; но конь не входилъ въ воду. Царь спросилъ конюшаго: „кажется мой конь боится воды?“

— Нѣтъ, государь, отвѣчалъ конюшій; онъ не боится воды, а опасается, чтобы ты не замочилъ своего царскаго тѣла.

Потомъ онъ связалъ коню хвостъ, и вложилъ его въ парчевой мѣшокъ. Царь тотчасъ переѣхалъ черезъ рѣку, помчался къ своему загородному дворцу и на всемъ скаку остановился.

Онъ прожилъ въ этомъ дворцѣ нѣсколько дней, какъ вдругъ ему доложили, что враги со всѣхъ четырехъ сторонъ подступили къ століцѣ и уже овладѣли передними городскими воротами. Услышавъ

объ этомъ, царь тотчасъ сѣлъ на своего коня и отправился изъ загороднаго дворца, намѣреваясь въѣхать въ столицу задними воротами. На этой дорогѣ было озеро, по названію Мяофаньдо, въ которомъ росли во множествѣ всѣхъ родовъ ненюфары. Конь, подбѣжавъ къ озеру, перенесъ черезъ него царя по ненюфарамъ не касаясь воды и не замочивъ своихъ копытъ,—и царь благополучно въѣхалъ въ столицу. Лишь только примѣтили это враги, тотчасъ догадались, что царь Фаньмодадо опять обладаетъ умнымъ конемъ, а потому немедленно обратились въ бѣгство.

Царь, въ необыкновенной радости, сказалъ своимъ вельможамъ: „какъ, по вашему мнѣнію, должно наградить того, кто спасъ жизнь великаго государя *Чадри*, а его царство избавилъ отъ величайшей опасности?“

— Ему должно отдать въ награду полцарства, отвѣчали вельможи.

— Но такую услугу мнѣ оказала лошадь,—сказалъ царь: какъ же отдать ей полцарства? Нѣтъ; въ честь моей лошади должно учредить всенародное торжество на семь дней: въ эти дни пусть всѣ празднуютъ и веселятся, пусть всѣ на нее смотрятъ, а вы давайте ей все, чего она ни пожелаетъ.

Вельможи приняли повелѣніе и сдѣлали всѣ приготовления къ торжеству. Насталъ праздникъ. Купецъ, торговавшій лошадьми, въ табунѣ котораго родилась царская лошадь, спросилъ одного изъ людей, служившихъ при царской конюшнѣ: „господинъ! по какому случаю въ такое необычное время учрежденъ этотъ торжественный праздникъ?“

„Ужели ты не знаешь? отвѣчалъ ему человекъ. Ужели забылъ ты о томъ жеребенкѣ, котораго подарилъ горшечнику въ селеніи Гунши? Этотъ жеребенокъ — умный конь: необыкновенная драгоценность и рѣдкость. За него дали горшечнику сто тысячъ унцій золота. На дняхъ онъ спасъ жизнь царю и избавилъ государство отъ множества непріятелей. Вотъ по какому случаю царь повелѣлъ въ честь своему коню учредить это торжество“.

Выслушавъ это извѣстіе, купецъ нисколько ему не повѣрилъ. Онъ сказалъ самому себѣ: „нѣтъ, не можетъ быть, чтобы этотъ брошенный мною на дорогѣ, негодный жеребенокъ былъ умный конь.“

Я пойду самъ посмотрю на царскаго коня: ужъ навѣрно это не мой прежній жеребенокъ“. Онъ отправился въ царскую конюшню, и умный конь, лишь только замѣтилъ своего прежняго хозяина, тотчасъ сказалъ ему: „Купецъ! сколько получилъ ты за весь свой табунъ? а за меня одного дали горшечнику сто тысячъ унцій золота“. Эта вѣсть какъ громомъ поразила купца: онъ лишился чувствъ и упалъ у ногъ умнаго коня. Окропили ему лице холодною водою, и онъ ожилъ; потомъ вышелъ изъ конюшни въ тоскѣ и величайшемъ раскаяніи.

„Знайте, бикчу, сказалъ Будда, что этотъ купецъ жившій въ одномъ изъ прошедшихъ вѣковъ былъ не другой кто, какъ нынѣшній князь врачей Шифугя, а умный конь—бикчу Юйлу. Древній купецъ, не зная совершенствъ чудесной лошади, презиралъ ее, а узнавъ ей цѣну, сталъ презирать самого себя, сталъ раскаяваться и негодовать на свою глупость. Сегодня произошло тоже самое: не зная какими совершенствами обладаетъ Юйлу, князь считалъ его ни во что, а узнавъ его совершенства бросился ему въ ноги и просилъ у него прощенія. Бикчу! люди не могутъ знать въ совершенствѣ своихъ ближнихъ, а потому никого не должны презирать; напротивъ всегда должны питать другъ къ другу взаимное уваженіе“.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки